

ЗАВАРУШКА В
ЖОЙОТ
СУТИ

Давид Хаджинов

18+

Койот Сити

Давид Хаджинов

Заварушка в Койот Сити

«Автор»

2026

Хаджинов Д. А.

Заварушка в Койот Сити / Д. А. Хаджинов — «Автор»,
2026 — (Койот Сити)

На дворе 1951-й год. В вымышленном городке Койот Сити мафия творит бесчинства уже много лет. Все так к этому привыкли, что воспринимают серость, постоянные убийства и несправедливость как признаки стабильности. Но в один момент всё меняется – таинственная «Стая» занимается тем, что жестоко расправляется со всеми бегунками «белой смерти». Данте Кортезио стал доном самой влиятельной семьи ещё будучи совсем юнцом. На удивление, 3 года у него почти не было проблем, ведь рядом всегда были верные соратники. Однако, стоило ему после долгого затишья столкнуться с новым "игроком" на улицах, как всё пошло из рук вон плохо: внезапное нападение на его жену в момент, когда тот уверовал в свою неприкосновенность запускает целый ряд событий. К чему это приведёт и сможет ли дон преодолеть алкоголизм в процессе своего пути? Сможет ли Данте спустя годы отомстить предателю и как именно это произойдёт? В конце концов, кто на самом деле написал эту книгу? Ответы на эти вопросы скрываются за обложкой!

© Хаджинов Д. А., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава I: Ospite raro – ospite caro	5
Глава II: Волки у порога	8
ГлаваIII: Красное на чёрном	13
Глава IV: Chi cerca – trova	22
Глава V: Quello è mio zio che vuole il bene mio	29
Конец ознакомительного фрагмента.	36

Заварушка в Койот Сити

Глава I: *Ospite raro – ospite caro*

1951-й год, декабрь

Насколько же прекрасен Койот Сити! Этот городок в штате Луизиана своими видами и атмосферой просто поражает! В особенности зимой, когда до Рождества остаётся чуть более недели и в каждом доме царит уют и семейная атмосфера. А ещё джаз – прекрасная музыка, что не оставит равнодушным никого, до чьих ушей ей только удастся долететь. Светящиеся вывески, которые различными лозунгами подогревают интерес жителей к покупкам перед праздником, счастливый народ с улыбками до ушей, и уличные музыканты на каждом шагу. Но давайте попытаемся немного абстрагироваться от городского быта и направим своё внимание к пригороду.

В километрах десяти от города можно было заметить немаленьких размеров дом. Он выглядел поистине богато: высокий забор и, не побоюсь этого слова, врата. Не абы какие, а будто позаимствованные у самих небес. Сверкали при свете фонарей они также благородно, как и выглядели, ясно давая понять, что территория эта принадлежит не рабочему с завода, а кое-кому посерьёзней. Да и как можно не заметить, что у дома целых два этажа! В те времена даже крупные мегаполисы могли похвастаться разве что одноэтажными кирпичными коробками. А к этим апартаментам ещё и прилагался гараж, в который помещалось более одной машины. Держу пари, любому, кто проходил мимо, хотелось бы узнать чей это домишко. Ну, а нам с вами ждать осталось недолго. Вот уже можно увидеть, как кто-то подъезжает на роскошном автомобиле прямо к этому дому. Fiat чёрного цвета ехал к месту своего назначения, не превышая скоростного режима. Водитель авто мягко затормозил и приоткрыл дверцу. Из салона вырвалась узнаваемая мелодия, которая играла сейчас по радио – это был перепев песни «Пусть идёт снег» в исполнении Фрэнка Синатры. Его волшебный баритон был настолько прекрасен, что люди полюбили эту песню именно в его исполнении. Естественно, нельзя не упомянуть и Дина Мартина, исполнившего сей мировой хит через девять лет после «Мистера голубые глаза». Дверца автомобиля захлопнулась, и улица перестала наполняться музыкой. Водитель закурил сигарету и, пройдя несколько шагов, замер. Подняв руки вверх и кратко выругавшись, он вновь направился к машине, чтобы забрать какую-то папку с пассажирского сиденья. Он продолжал цедить ругань сквозь зубы. Его эпитеты были куда более эмоциональны, нежели у среднестатистического американца, и, что гораздо важнее, он говорил совсем на другом языке: каждый звук произносился чётче, сигарета в зубах не была тому преградой. Мужчина так распахнул врата, будто знал, что его уже ожидают. Он был одет весьма строго: вся цветовая гамма одежды была приближена к тёмным тонам – тёмная шляпа, пальто, брюки и туфли. Его возраст на вид не превышал лет сорока. Выраженные скулы и большой приплюснутый нос контрастировали также сильно, как и факт того, что кто-то мог прийти сюда не для радости и веселья, а для чего-то серьёзного, на что намекали нахмуренные густые брови.

Таинственный гость очень аккуратно приоткрыл входную дверь, чтобы заглянуть внутрь. Хотя не ясно, что можно было рассмотреть в апартаментах, если даже на улице, поздним вечером света было больше, чем в том огромном поместье. Кому-то могло даже показаться, что там вообще никого не было, но я бы советовал не торопиться с выводами.

Тот мужчина, что заглядывал во тьму дома, весьма уверенно вошёл внутрь. Он прошёл пару метров вперёд, затем лёгким движением руки открыл дверь, что была справа. Гость будто бы знал о ней заранее. Он шёл к цели не наощупь, а с уверенностью, которой не достичь лишь за один визит. Комнатка, которая предстала перед его взором, была маленькая – в особенности, если сравнивать её с общими размерами дома. Внутри горела одна лампа – тусклая, под

абажуром, и она не освещала, а скорее разрешала видеть. Два стула. Стол. И человек в кресле напротив. Лица пока не разобрать – только тяжесть плеч и белый отблеск на костяшках руки, лежащей на столешнице. Пальцы были скреплены в замок: на правой руке нежилась обручальное кольцо, на левой – горделиво виднелась печатка с выбитой буквой «К».

– Ты позвонил мне поздно ночью, оторвав меня от важных дел, Матео. – строго произнёс некто, сидящий в кресле. Затем, его тон сменился на более мягкий. – Но твоё появление в этом доме, обычно, знаменует полезные новости для меня. Присаживайся и рассказывай!

– Полезные новости не всегда весёлые, Данте, – расстроенно сообщил гость. Продолжая свой доклад, он поднёс стул ближе, сел боком к собеседнику, откинувшись назад. – Понимаешь, когда ты стал доном, довольно большое количество людей старой закалки по типу Боттичелли подняли немало шума, и даже до войны чуть не дошло... Здорово повезло тебе тогда.

– Я всё это прекрасно помню, друг мой. Я не страдаю от потери памяти. Мне всего-то двадцать пять лет. Интересно лишь то, почему ты решил вспомнить об этом спустя почти три года?

– Позволь продолжить и узнаешь всё в подробностях, включая некоторые документы. – Матео поднял руку, в которой находилась папка. Это её он чуть не забыл в машине. Мужчина положил её на стол, развернув правильной стороной к боссу. – Почти три года, как ты заметил, семья Кортезио с тобой во главе правит этим городом. После некоторых конфликтов и их сглаживаний ты стал главным, и весь преступный мир города был и есть в твоих руках. Однако последние дни мои информаторы на улицах заметили некую шайку, – Матео презренно фыркнул. – «Стаю Оборотня».

– Вполне себе международная организация, – с ухмылкой заметил дон, листая документы, – русский, немец и два норвежца во главе. Все были на фронте, а потом вдруг решили объединиться, и творить беспорядки...

Данте неторопливо ознакомливался с личным делом каждого. Он был сосредоточен и ничто не мешало бы ему прийти к достойным умозаключениям, но он так и не смог понять, как именно немец и русский могли оказаться в одной упряжке, ведь их государства были ярыми врагами друг друга во времена Второй мировой войны. Не найдя ответ на самый интересующий его вопрос, его внимание привлекли пометки, написанные красными чернилами:

«Стая Оборотня: Ивар и Бьёрн Рагнарссоны, Владимир Меркулов и Ганс Маннелиг». Молодой дон задался вопросом касательно названия банды, но его помощник тут же одарил босса ответом.

– Ходят слухи, будто бы Бьёрн этот выходил рубать немцев топорами, и по какому-то там древнему обычаю надевал на себя шкуру волка. – рассказывал Матео, явно передавая своё отношение к подобной «окультурной» чуши. – Ещё говорят, что пусть Норвегия и была быстро захвачена немцами, однако, даже после захвата этой страны, они ещё долго не могли уснуть в полнолуние.

– Это же хорошо, мой друг! За много лет, проведённых в нашем деле, мы первый раз сталкиваемся с такого рода индивидуумами. Назревает что-то интересное! – с долей восхищения произнёс Данте. Отложив дела «Стаи» в сторону, он расслабленно откинулся в своё кресло. Он был рад возможности поиграть с новым противником – узнать его поближе: его сильные и слабые стороны. Дон удовлетворённо смотрел в глаза того гонца, что принёс ему столь ободряющие вести.

– Не понимаю, что ты там говорил, что твои новости не всегда хорошие, – сказал он. – Как по мне, новичок на улицах – это повод сдуть пыль со своих колец.

– Данте, прошу тебя прислушаться к моим словам. Нужны ли тебе сейчас такие «новички»? Это, – на самом деле, ненужная тебе пешка, что при должных обстоятельствах может свергнуть короля.

– Красивый совет. Красивый, – мечтательно произнёс дон. – Помнится, звал тебя как-то стать консьюльери, но ты отказался. До сих пор ты капо. Не передумал?

– Консьюльери – персона видная, второе лицо в семье. Это не по мне, друг. Разве не выгодно тебе, чтобы такой важный помощник как я оставался в тени?

Молодой итальянец согласился со своим капо. Данте и Матео пожали друг другу руки, после чего дорогой гость уехал в сторону города, и было неизвестно наверняка: отбыл он туда, дабы переночевать в неприметной квартирке или же, чтобы продолжить узнавать информацию и проворачивать тёмные делишки.

На утро следующего дня, когда владелец дома должен был провести всё свободное время со своей женой, кто-то неожиданно постучался в дверь. Открыв её, Данте увидел ранее незнакомого человека, но ему сразу бросилось в глаза чертовски небрежное пальто. Мало того, что материал был далеко не самый дорогой, так ещё и повсюду виднелась подшитая ткань. Даже так, взгляд цеплялся за не заделанные дырочки в некоторых местах.

– Простите меня, – со странным акцентом говорил незнакомец, пытаясь чётко произнести каждое слово. Он достал какую-то бумажку из своих брюк и прищуриваясь, что-то оттуда вычитывал. – Это Вы – мистер Кортезио Данте?

– Конечно же я, – с гордыней в голосе подтвердил итальянец. – Что же такому человеку как Вы, мистер незнакомец, понадобилось от меня?

– Ох, я чувствую иронию в ваших словах, мистер Кортезио, но я всего-то понял, что Ваши ворота не заперты и решил войти. Я в городе недавно. Ещё не успел привыкнуть к порядкам, но мне сообщили, что все дела в этом городе нужно вести лишь с Вами. Поэтому я и пришёл.

Лицо дона помрачнело, как только речь зашла о делах, Данте посчитал крайне невежливым тот факт, что гость на его пороге знает о нём достаточно много для него самого, а вот дон не знает ничего о своём госте. Он резко приказал незнакомцу назвать своё имя и ответ его удивил.

– Прошу прощения, господин Кортезио! Не знаю куда подевались мои манеры из-за встречи с Вами. Меня зовут Ганс Маннелиг. Я представляю людей, которые заинтересованы в улучшении этого города, – с ухмылкой на лице сказал немец.

Глава II: Волки у порога

Дон пытался показать всем своим видом, будто имя немца ни о чём ему не говорит. Однако, как бы он не старался, персона Ганса была действительно интересна для него. Поэтому, вместо того чтобы послать, на первый взгляд, очередного мелкого воришку, который хочет денег семьи, или же ответить гостю в грубой форме, Кортезио впустил новообретённого знакомого в дом, предложив ему присесть на кожаный диван, рядом с которым, посреди комнаты, стоял журнальный столик. А на этом столике всегда стояли пара бутылок виски не младше двадцати лет. Каждый вечер, слушая Луи Армстронга, Данте отмерял свою жизнь бутылкой виски – ни больше, ни меньше. Ровно столько, чтобы к полуночи мир переставал цепляться за его плечи, но рассудок оставался острым. Сидя на этом самом диване, он знал: пьянство – удел слабаков, а потому, дабы не быть одним из них, он называл сие действие «ритуалом» – уделом королей. Если на «ритуальном» месте сидел кто-то, помимо хозяина дома, это значило, что гость для дона представляет особый интерес.

Ганс, конечно же, не мог этого знать, поэтому и отнёсся к данному жесту как к обычному проявлению гостеприимства. Вероятно, он не сильно был знаком с итальянцами. Оттого и подумал, что этот народ просто чересчур добр к гостям.

Войдя в дом, немец не мог удержать себя от желания всё рассмотреть, ведь он – человек военный, редко видевший двуспальную кровать, не говоря уже о мраморной лестнице, например. Испокон веков мрамор считался идеальным материалом для чего угодно, если человек желал подчеркнуть своё непревзойдённое финансовое положение. Данте являлся одним из таких людей и мог бы сделать весь свой дом из мрамора, если бы ему это не казалось слишком простым и безвкусным решением. Поэтому пол в его доме был дубовый и каждый шаг в особняке сопровождался приятным, приглушённым стуком. Ганс двигался неспешно, но без лишней осторожности – он не был вором, а хозяин дома так и вовсе принял его как гостя. Он не заметил дверь, которая вела в маленький кабинет дона, где прошлым вечером Данте вместе со своим капо обсуждали «нового игрока» в городе. Ганс приметил камин напротив входа, кожаное кресло – явно хозяйское – и огромный шкаф за ним. Когда он опустился на диван, Данте бесшумно занял кресло напротив. Немец перевёл взгляд на шкаф позади собеседника – резные дверцы, тёмное дерево, под стать всему дому, радовали глаз.

Ганс немного поднял глаза, чтобы рассмотреть содержимое того большого шкафа. На его полках горделиво заявляли о себе множество виниловых пластинок и ровно такое же разнообразие бутылок виски, выбор которого, судя по всему, не ограничивался лишь одним производителем. Несмотря на то, что шотландский виски всегда было принято считать эталоном этого напитка, у Данте в шкафу самыми знаковыми, судя по расположению, были они – американский, всемирно известный Jack Daniels, канадский, недавно появившийся на рынке Black Velvet и поистине легендарный Crown Royal из всё той же Канады. Бутылки последнего дон считал изюминкой своей коллекции и собирался открыть хотя бы одну только тогда, когда найдёт себе преемника и можно будет куда меньше волноваться о своём здоровье. Сейчас он, видимо, был уверен в непоклонности своего организма: слишком озорного и в меру юного, дабы сдавать позиции от одной бутылки виски в день. Итальянские знатоки посоветовали бы ему домашнее вино прямиком из Сицилии – как признак статуса и приверженность родным землям. Они бы здорово удивились, увидев, как их сородич прямо отдаёт почести другому континенту.

– Довольно редко ко мне приходили немцы, которые предлагали достойное дело. Впрочем, сами по себе они – не частые гости в наших краях. – Итальянец ухмыльнулся. Он разлил виски по роксам и, осушив свой, протянул, – так что, господин Маннелиг, я жду от Вас особенного предложения.

Гостя будто бы раззадорили слова хозяина дома, и он решил наконец показать зачем пришёл. Ганс достал из внутреннего кармана своего пальто пару фотографий. Он положил их на стол и дал возможность дону взять их в руки и получше рассмотреть, чем тот и воспользовался. Немец, пытаясь скрыть своё любопытство, лишь смотрел на Данте и ждал его первых слов.

На фото было изображено три человека. Каждый из них держал в руке оружие: кто топор, а кто огромный охотничий нож. У ног этих людей лежал окровавленный и сильно изуродованный труп. Данте ещё вчера видел дела каждого из Стаи Оборотня, и он без труда смог понять, кто где расположен на этих фото. Парень по центру со звериной улыбкой, выглядящий словно голодный волк, наконец догнавший зайца – тот самый – с почти полностью изрезанным лицом, – это Бьёрн – главарь банды. Парень по левую руку, который имел каменный взгляд и строгие черты лица – Владимир, а по правую руку стоял человек очень похожий на Бьёрна, но имеющий куда более спокойное лицо – это Ивар.

Ганс сообщил, что данные кадры были сделаны им самим, и что человек на фото, чьё лицо было уже не узнать, был наркоторговцем. Именно против них он и его друзья очень активно борются. Также, он сообщил, что планирует заручиться поддержкой дона Кортезио потому, что однажды слышал, будто бы Данте, вопреки желаниям остальных семей, выступает против распространения наркотиков по городу.

Итальянец и правда резко высказывался на людях и в присутствии Совета касательно «белой смерти» и травы, но понимал, что, дабы выжить, некоторым семьям приходится торговать дурью. В таких случаях он требовал не продавать вещества детям и женщинам, но это редко спасало последних от желания познать неизвестное. Как бы там ни было, показывать своё согласие и готовность помочь Кортезио абсолютно не хотел. Всё, чего он желал в отношении «Стаи» сейчас – это полностью узнать их мотивы, историю, а потом убрать их самих, как только это всё наскучит.

– Ваша ненависть к наркотикам, насколько бы сильной и оправданной она не была, – говорил дон, со вздохом кладя фотографии обратно на стол, и, поднимая уставший взор на своего собеседника, – никак не спасёт вас от тех, кто только и живёт за счёт дури. И я могу вовсе и не знать, когда за вами придут. А даже если и буду знать, то, разводя руками в стороны, отойду и позволю каждому из вас получить заслуженно пулю в лоб.

Посмотрев на Ганса в момент этой речи, можно было заметить, что его вежливая улыбка, да и сама по себе вежливость куда-то делись: разглядеть их точно стало труднее. Видимо, Ганс включал обаяние только по острой необходимости, когда видел в этом прок. Сейчас его трюк не сработал. Отказы, видимо, были для него территорией слабо изведанной. А тут ещё и всё выглядело так, будто он знал о личном отношении Данте к запрещённым веществам. Ганс криво усмехнулся, взял рокс с напитком, сжал его так сильно, будто проверял стекло на прочность, и осушил одним долгим глотком.

– А что же делать тем людям, чьи родные погибли от этой дури? – будучи слегка раздражённым спросил он. – Только ведь и остаётся, что идти и мстить, господин Кортезио. – немец медленно крутил в руках пустой рокс. – А по поводу пули, она нам не грозит. До сей поры никому не удавалось нас убить, и я не верю, что кому-то всё-таки удастся.

Данте ухмыльнулся по двум причинам. Во-первых, он, скорее всего, уже осознал мотивы Бьёрна и его шайки. Его предположение было таким: норвежец потерял из-за наркотиков близкого человека и пошёл мстить. Вдобавок к этому, наглость гостя позабавила итальянца. Высокомерие дона не позволило ему как-либо отреагировать на сказанное. Вместо этого он лишь приподнял уголки губ и на мгновение представил, как ради интереса мог бы проверить заявление немца на достоверность, будь у него M1911 под ремнём – излюбленный пистолет всех борцов за справедливость и против неё.

Отдалённый стук каблуков по дубовому полу на втором этаже перебил беседу. Некая фигура принялась изящно спускаться по лестнице, и вскоре Ганс увидел такую красавицу,

которую не встречал до сей поры никогда. Длинноволосая брюнетка спускалась по лестнице не спеша, с царственной грацией, слегка касаясь перил пальцами в атласных вечерних перчатках. Чёрное платье с высоким разрезом до бедра открывало длинную ногу при каждом шаге, а оголённые плечи и изящная линия шеи заставляли взгляд задерживаться дольше положенного. Туфли на шпильках, – по цене они были близки к авто среднего класса, – стучали по дубу мерно, без единой запинки, будто хозяйка могла пройти в них с закрытыми глазами. Тонкая нить бриллиантов на шее переливалась при каждом движении, подчёркивая не просто красоту, а принадлежность к семье, где деньги не считают. Вместо этого, их ощущают кожей. Неужели это была жена дона?

Вы, наверное, уже догадались как эти двое нашли друг друга: у них очень много общего. Они оба просто обожают выделять свой статус деньгами и не могут жить ни дня без роскоши. Они обожают чёрный цвет и его оттенки. Разве что рубашки у Данте белые. Отличает их только то, что Данте – человек из Сицилии, проведший большую часть жизни в нищете, в то время как его жена с детства ни в чём себе не отказывала, будучи дочерью влиятельного человека из Рима. « – Как хорошо, что, когда мы встретились, я был уже достаточно богат, чтобы обеспечить все её прихоти. Иначе, пришлось бы отдавать половину органов уже после первого свидания», – так в шутку иногда говорил о жене Данте своему другу.

– Доброе утро, любимая! – сказал итальянец, подойдя к девушке и приобняв её за талию. – Рад, что ты проснулась, но у меня в гостях человек и я должен какое-то время побеседовать с ним. Познакомьтесь, милая, это Ганс. Ганс, это моя жена, Эмилия!

Данте подвёл жену к немцу, всё ещё придерживая за талию. Ганс занервничал и неожиданно стал запинаться, здороваясь, когда она приблизилась. Та ответила ледяным взглядом и резко бросила в сторону мужа: *Hai promesso di non avere ospiti oggi. Sai che non mi piace il tuo lavoro. Dovrei fare una passeggiata.* ("Ты обещал, что сегодня не будет гостей. Ты знаешь, что мне не нравится твоя работа. Мне нужно прогуляться")

Данте что-то примирительно ответил ей, но Эмилия лишь поджала губы, молча поднялась вверх и вернулась уже в шубе. Девушка, всё так же грациозно, вышла из дома и лишь закрывая дверь, попрощалась с мужчинами по-английски. Немец хоть и не понял ничего из разговора Данте с его женой, однако не нужно было знать язык, чтобы прийти к выводу, что беседа была натянутой, ведь прелестная леди почти молча ушла из дома в то время, как дон вздыхал, раздражённо смотря вниз.

Данте любил жену настолько, что, когда с ней ссорился по каким-либо причинам, он не мог рационально мыслить и принимать важные решения, пока не удастся помириться и вновь жить как раньше. Как раз последние несколько дней отношения между парой были натянутые, и это морально истощало обоих. Данте стал больше выпивать. Эмилия, в свою очередь, всё чаще уходила. То к своим подругам, видимо, обсуждать в деталях свою личную жизнь, а иногда любила просто весь вечер гулять по всяким разным заведениям. Однако, дон всё равно верил, что пройдёт время и конфликт будет решён.

«А я ведь купил ей Кадиллак неделю назад... Красный...» – расстроенно подумал дон, когда дверь захлопнулась. Он со вздохом завалился в своё кресло, и принялся поднимать с пола *хьюмидор* (ящик, шкатулка для хранения сигар). Положив его на стол, он открыл шкатулку, взял оттуда одну из сигар и маленькую гильотину с лезвиями по бокам, что лежала внутри. Резким движением хозяин дома обрезал шапочку сигары. Нащупав во внутреннем кармане зажигалку, тот достал её и закурил. Наконец, откинулся на спинку кресла, и, смотря в потолок, выдохнул дым. Во время этой немой сцены у Ганса было время позавидовать, так как он, будучи заядлым курильщиком уже много лет, ни разу даже не притрагивался к сигарам, не говоря о том, чтобы иметь целую шкатулку подобной роскоши. Несмотря на то, что немцу за время своего визита стало жутко неловко из-за ссоры внутри семейства, именно он решился продолжить разговор.

– Повезло Вам с ней, мистер Кортезио, – позавидовал Ганс, смотря на дверь, которую захлопнула девушка. Данте очень гордился своей женой и когда кто-то говорил что-то хорошее о ней, он, как ни странно, принимал это на свой счёт. Слова гостя слегка успокоили его.

– Да, – согласился Данте. Держа в зубах сигару, он наливал себе виски и продолжал, самодовольно усмехаясь. – Самая красивая девушка всей Америки, если не мира, согласен? Жаль только никак не можем найти компромисс в одном ма-а-леньком вопросе...

Такова она, сицилийская душа: буквально пять минут назад дон хотел мысленно пустить пулю в немца и диалог их, честно сказать, не задавался от слова совсем, а уже сейчас Данте был готов нахваливать жену, часов не наблюдая, ведь, как он считал, говорить о её положительных сторонах можно вечно.

Он был уже близок к тому, чтобы раскрыть секрет, о каком «маленьком вопросе» идёт речь, как в дверь его дома кто-то постучался. Дон замер на полуслове, удивлённо подняв бровь: в его апартаменты столь часто за один день ещё никто не ломился. Данте неспешно двинулся к двери, не выпуская из руки наполовину опустевший рокс. А вот Ганса этот стук почти не удивил и когда итальянец распахнул дверь, причина стала очевидна. На пороге дома стояли те, кого дон ещё вчера видел на фотографиях в личных делах. Полчаса назад Ганс показывал ему фото этих самых людей, но уже вместе с результатом их деятельности в виде изуродованного трупа: перед ним стояли Бьёрн и Владимир, за чьими спинами виднелся Ивар.

Картина становилась всё более странной и день для Данте выглядел всё более паршивым. Единственное, что спасало его во всей этой ситуации – это виски внутри, который он успел выпить за время разговора с Гансом. К сожалению, в тот момент маленькая перепалка с женой и столь неожиданный визит сначала немца, а затем и остальных членов «Стаи» так повлияли на Данте, что тот начал испытывать раздражение, из него вырывались колкости – молодость, в конце концов, многое прощала.

– Ганс, мне кажется, Ваши друзья настолько заждались Вас, что решили прийти ко мне домой. Я не смею Вас задерживать, мой друг, – саркастичноотреагировал Данте, смотря в глаза Бьёрна, чей взгляд прожигал насквозь.

Смотреть на это изрубленное лезвиями лицо он долго не сумел и решил развернуться в сторону немца, чтобы проконтролировать, как тот уходит. Фриц решил долго не мешкать, ведь по тону итальянца можно было понять, к чему он клонит, да и расшатывать и так хлипкие отношения с ним путём споров член «Стаи» не желал. Один взгляд на товарищей всё решил, и никто даже слова не проронил. Данте провёл гостей до ворот, и лишь затем закрыл дверь. После произошедшего он ещё раз посмотрел в сторону фото, лежавших на столике. Вздыхнув в очередной раз, итальянец допил виски из своего рокса, и продолжил курить сигару в одиночестве, обдумывая все события, что произошли с ним до полудня.

– Ну и какого чёрта мы сюда пёрлись, Ганс, а? – ворчливым тоном задал вопрос Владимир своему товарищу в то время, как они шли по заснеженным улицам пригорода, медленно отдаляясь от ворот дома Кортезио. – Пойми, друг, мы шли сюда не для того, чтобы десять секунд поглазеть на мальчика с обложки, а потом идти обратно ни с чем.

– Я сам ничего не понял, Володя, – задумчиво говорил немец, опустив глаза вниз, дабы ветер, который начал усиливаться, приносил меньше дискомфорта. – Вчера вечером мужчина, который нам звонил, сказал, что этот Данте против наркотиков, что он очень вспыльчивый, идущий на поводу у эмоций парнишка без мозгов, и что мы легко сможем склонить его к себе.

– Ты бы хоть поинтересовался, кто это столь щедрый, что такой информацией с тобой делится, – продолжал ворчать Владимир. Одной из причин, по которой он был столь расстроен, было то, что он с товарищами полдня провёл впустую, так до сих пор и не убив ни единого плохиша. Такая зависимость от крови наблюдалась не только у него, но и у других участников «Стаи».

– Вот сейчас до будки дойдём, я и позвоню. Узнаю всё, что нас интересует. Меня самого вся эта ситуация неслабо так разозлила, так что ты не один такой недовольный.

Ивар и Бьёрн не проронили ни слова. Сейчас они оба предпочитали больше слушать. Кроме того, они пытались продумать, что им делать дальше, так как обдумывание действий со стороны банды лежало на плечах этих ребят. Наконец, все подошли к телефонной будке на углу улицы. Ганс заранее отвёл себе роль переговорщика, потому как именно он из всей «Стаи» был наиболее красноречив. Немец вошёл в будку, на мгновение прикрыл глаза, восстанавливая в памяти цифры, и пальцы сами заскользили по диску. Трубка у плеча, гудки. Осталось только ждать, пока на том конце возьмут.

– Алло! Да, это Ганс. Вы вчера нам звонили и убедили нас обратиться к некоему Данте Кортезио. Как ни странно, Вы точно назвали адрес и довольно натурально описали характер парнишки, но, скорее всего, сегодня он был не в настроении. Возникли сомнения, что до наркотиков ему есть дело, – говорил немец, стараясь звучать максимально вежливо. – Я ни в коем случае не хочу сказать, что Ваша информация оказалась ложной и бесполезной. Я лишь хочу сообщить, что этот человек нам вряд ли поможет и что нам стоит продолжать работать в одиночку. Благодарим Вас за попытку нам помочь! И ещё... Было бы здорово, если бы мы смогли узнать Ваше имя.

– Сладкие речи оставьте для других, Ганс. Ждите вечера, сидя дома у телефона. Вы ведь оставили на обратной стороне фотографий ваш номер, как я говорил? Он позвонит вам. Всего доброго. – Даже не дав собеседнику ответить на вопрос, таинственный баритон самолично окончил разговор. Гансу пришлось довольствоваться гудками с трубкой у уха, в которую никто не говорит.

Немец повесил её и вышел из будки.

Глава III: Красное на чёрном

Через какое-то время за Бьёрном и его друзьями приехала машина такси и отвезла их в неизвестном направлении, так что, если бы за ними кто-то наблюдал, он бы, скорее всего, подумал, что Ганс позвонил именно в службу такси, а не кому-либо ещё. Это играло на руку не только загадочному баритону из трубки, но и самим ребятам из «Стаи», потому как любые нелогичные связи в криминальном мире обычно порождают непонимание и опасность для жизни всех причастных к такого рода узам.

Наступил вечер. Начали появляться огни на столбах. Некоторые люди уже возвращались с работы, а жена Данте всё никак не приходила домой. Как ни странно, дон редко когда волновали поздние прибытия Эмилии. Он уже привык к тому, что она – женщина светская: любит гулять ночами, выпивать с подругами. Единственное, что беспокоило итальянца сейчас – это довольно натянутые отношения с юной избранницей, которые ему не удалось уладить этим утром. Он планировал провести сегодняшний день с ней, но азарт в его крови и желание познакомиться ближе с новым потенциальным врагом, настолько сильно затуманили его разум, что даже про решение конфликтов с женой пришлось на время забыть.

А сейчас Данте просто занимался своим любимым делом: смаковал виски, слушал пластинки своих любимых исполнителей. В особенности, он любил песни Фрэнка Синатры и Луи Армстронга. Работы первого, казалось, олицетворяли жизнь Данте. Столь же легко в последние годы он шёл по тропе жизни, насколько были легки песни голубоглазого. В случае с Луи, Данте был далеко не первым и не последним из тех, кого тот самый голос, узнаваемый из тысячи других, покорила до глубины души.

В один момент итальянцу надоело пить виски сидя, ведь он делал так уже множество раз. И именно в этот вечер ему вдруг захотелось выпивать, смотря в окно из своего дома. На втором этаже была большая комната со стульями и длинным овальным столом. Она использовалась для проведения заседаний Комиссии Коза Ностры. По каким-либо другим причинам Данте туда заходил очень редко, разве что полюбоваться издали на город, который он считал своей собственностью.

Впрочем, по этой же самой причине он и пришёл вновь в эту комнату. Дон раздвинул шторы над одним из трёх больших окон и, успев лишь ухмыльнуться от вида на город, он сразу же заметил в нескольких метрах от своего дома силуэт, что полз на коленях, еле-еле перебирая ноги.

Уличные фонари предательски освещали дорогу таким образом, что Данте лишь спустя несколько секунд, как только свет пал на руки, укрытые чёрными перчатками, понял, что видит жену. Дон мигом бросился спасать свою любовь. Некий автомобиль стоял неподалёку, едва заметный в ночной мгле. Однако, как только Данте выбежал на улицу и приблизился к жене, водитель дал газу. Проскользнула мысль, что машина стояла рядом не просто так, но уже тогда, когда её и след простыл.

Ошарашенный, Данте упал на колени перед Эмилией. Человек в его положении часто должен был бы видеть нечто похожее. Подумаешь – женщина с парой-тройкой ножевых в спине – чего только в беспредельном гетто не увидишь: и не такое творили за лишнюю десятку в кармане. Но всё же, промышляли подобным не все. В кругу итальянской мафии за такое ты навсегда обретал дурную славу. А дон, ко всему прочему, не мог поверить в то, что видел. За годы порядка он привык, что даже охрана ему не нужна, ибо его власть и сила безоговорочны и безграничны! Витала в воздухе эта непрописанная истина. Один человек – тот, что был главным, точно в это верил. А теперь кто-то посмел усомниться в нём, усомниться в его величии. С каждой каплей крови, упавшей на асфальт, его гнев был всё более неудержим, ежесекундно

мысли застилались туманом. Наконец, дон продумал хоть какой-то план. Позволив опереться на себя, он помог раненной девушке зайти внутрь.

В тот момент она почти потеряла сознание, ведь физической боли не испытывала никогда. Если бы её родители, не приведя Господь, услышали бы из её спальни крик, а потом обнаружили, что тумбочка «повредила» их доченьке мизинчик или локоток – в ту же секунду подлая вредительница полетела бы в топку. На лице дона проступал пот, а кулаки так сильно сжимались, что, будь Эмилия в полном сознании, могла бы воспротивиться. Мысли его были заняты кое-чем ещё помимо раненой жены. Был нанесён удар по его самолюбию и авторитету, но, конечно же, думать об этом в моменте было сложно. Три удара в спину близкого человека отражались на Данте вдвое сильнее, потому как ничто и никого он не любил так, как свою изящную, совершенную и неотразимую даму сердца. Как только дверь захлопнулась, он сразу принялся вспоминать, где оставил аптечку. Всё это время дон без устали повторял жене:

– Эмилия! Любовь моя! Дорогая! Держись, милая. Я сейчас всё сделаю, – пришлось вернуться мыслью в те времена, когда было всё не так гладко: те самые годы, когда Данте и его друзья из семьи могли получать по столько пуль в неделю, что и пальцев одной руки могло для подсчёта не хватить.

Кому-то и правда с тех пор не хватает пальцев. Эмилия, благо, такого не застала. Дон не заводил отношений, пока не стал на сто процентов уверенным, что его никто не тронет. Данте очень любил женщин и считал, что большинство из них не заслуживают убиваться из-за опасной работы мужа и ни в коем случае не должны переживать боль от потери столь близкого человека. Оттого в его семье существует правило: *«Однажды ступивший на путь криминала, обязан до конца дней своих жить, не заключив брак. Есть лишь одна семья, которую вы должны любить и почитать, и это – Семья Кортезио».*

Конечно же, пару лет назад в этом правиле появилось исключение, но лишь для самого Данте, который с первого взгляда полюбил Эмилию больше, чем деньги. А деньги и уважение он любил очень сильно. Как это всегда бывает, несоблюдение правил влечёт за собой последствия, а привыкание к жизни без хлопот превратит вас в слабого и капризного человека. Так, например, Эмилия, удачно выйдя замуж и более не испытывающая проблем с освоением в новом городе, только и делала, что заводила скандалы из-за дел мужа, изо всех сил стараясь убедить его бросить всё и уехать в какой-нибудь город в Италии. Данте, конечно же, хотел остаться в Америке, продолжить своё дело и уйти на покой уже будучи очень и очень старым. В этом вопросе, как он заключил: «Я был и останусь непреклонен». Разногласия привели к тому, что Эмилия начала часто и подолгу пропадать, желая уйти в себя и справиться со своим желанием вернуться на родину с любимым мужем и кучей вечнозелёных купюр в чемоданах.

Происходящее сейчас – всего лишь следствие прошлых допущений. Данте принёс аптечку из своего кабинета и, когда подошёл к жене, обнаружил, что она лишилась чувств. Дышать становилось всё труднее. Даже после того, как дон нашупал пульс, волнение не прекращалось. Он старался быть максимально аккуратным, при этом, обычно, шагая по жизни размашисто, без мыслей о последствиях, сейчас он был похож на нейрохирурга, который был настолько профи, что ему доверили провести первую в мире операцию на мозге.

Аккуратно перевернув жену, дон обработал раны и сделал перевязку. Его не заботил ни залитый кровью пол, ни порванная шуба, валявшаяся там же. Данте за пару секунд будто забыл о роскоши и полностью погрузился в то время, когда жил на улице, которую местные итальянцы прозвали Povera street. Прозвали её так потому, что она была будто бы свалкой, куда жизнь скидывала всех бедных и малообразованных людей. В той местности почти все дети мечтали стать гангстерами и знали, что единственным баром в районе заправлял главный криминальный авторитет того времени – Алессандро Пуччи. Он получил прозвище «Истинный мэ» и каждый малец считал своей целью на него работать и решать проблемы района и улицы.

Все, кроме Данте, который проводил вечера в маленькой городской библиотеке на окраине, читая книги и слушая пластинки, которые старый библиотекарь приносил из дома. Там, окружённый полупустыми пыльными стеллажами, он впервые услышал Луи Армстронга, Фрэнка Синатру и понял, что хочет говорить так, чтобы никто не мог угадать его происхождение.

Любознательный юноша хотел везде сойти за американца и подкупать своей эрудицией. Деньги благодаря этому у него всё же водились – за выполнение домашних заданий и контрольных работ малолетние прохиндеи, пусть и несколько центов, но всё же отдавали. Популярности, тем не менее, это всё ещё не добавляло.

Местные дети плевать хотели на попытки сойти за своего или на умение говорить красиво. Была важна лишь сила, с которой ты бьёшь в челюсть и ловкость рук, с которой ты обчищаешь редко когда бывавших тут чиновников. Недавно мигрировавший в Штаты мальчик ощущал себя чернокожим артистом, которого любили, поддерживали долларом его начинания. Однако, заезжал на концерт он с чёрного входа, а после мероприятия не грех был плюнуть в артиста или жестоко избить. Данте также становился грушей для битья, и почти всю среднюю школу ему приходилось то перевязываться, то зашиваться. Без ножа, конечно, тоже дела не обходились, поэтому опыт во врачевании был. Оставалось лишь не растерять его за столько лет полного спокойствия.

Благодаря шубе, что была надета на Эмилии во время нападения, раны на спине оказались далеко не столь ужасны и фатальны, как могли бы быть, но Данте было достаточно взглянуть на сгустки крови, выступающие сквозь белый бинт, и окрашивающие его в тёмно-красные цвета, как ему становилось ужасно больно. Он около часа нависал над женой, как только закончил свою «операцию». Лицо девушки, повернутое на бок, расплылось в безмятежной улыбке. Это было сигналом: всё прошло успешно.

Возможно, ей сейчас снился хороший сон, в котором она после месяцев в ужасном настроении, наконец-то смогла переехать с мужем в Италию. И там они живут в его доме, налоги на который вполне легально оплачиваются, дабы свою старость дон мог встретить и провести чисто и без лишних хлопот. Да только Эмилия не хотела ждать старости. Она хотела вернуться домой и прожить там жизнь. Пока девушка визуализировала мечту у себя в голове, Данте на тот момент решил слегка прибраться в доме. Кинув пиджак на столик и закатив рукава рубашки, он принялся возвращать своему шикарному поместью его шикарный вид. Сейчас он стал походить на место преступления: от самого порога до середины комнаты каплями протянулся кровавый след и это слабо вписывалось в концепцию дома, который должен радовать глаз.

Вычищая жилище от последствий чьей-то недюжинной смелости, дон невольно вспоминал свою жизнь несколькими годами ранее. Проигрывая ситуации словно на плёнке, в сознании задержалось первое «мокрое» дело. В тот день – кажется, это был один из тёплых летних вечеров, всё было готово для свершения казни над неким чиновником, который решил украсть денег, не сообщив об этом истинному начальству. Тогда в маленьком и неприметном домике за городом было совершено убийство, с которого и начался путь Данте по карьерной лестнице – именно с той самой секунды, как он впервые нажал на курок своего M1911, который, кстати, до сих пор носит с собой. Ни тогда, ни сейчас та часть его биографии сожалений не вызывала. Данте сумел абстрагироваться от настоящего и даже позволил себе ухмыльнуться, уйдя в ностальгию.

Наконец он закончил. Уборка и перевязка – всё это оказалось неожиданно живым, почти знакомым: дон успел забыть, как пахнет кровь, как дрожат пальцы, когда зашиваешь дорогого сердцу человека. Однако, благодарить тех, кто устроил ему вечер воспоминаний он не собирался. Данте бережно отнёс жену в спальню, укрыл одеялом и вышел. Несмотря на гнев, он оставался мужем. Но как только дверь за ним закрылась, лицо его переменилось – такой злобы

он не чувствовал уже давно. До сего момента он привык считать себя довольно холодным и расчётливым, но теперь у него бы язык не повернулся столь явно соврать себе или кому бы то ни было по поводу здравости собственных мыслей. Столь неожиданным было произошедшее сегодня, что голова дона была забита мезьей, воплями, молящими о пощаде, литрами крови и ещё... литрами виски, стоящим в шкафу на первом этаже. «Нужно всего лишь выпить, да...» – размышлял дон, хлеща с горла новую бутылку. В дальнейшем, осушая следующую, он, не переставая говорил про себя – «Кто посмел?! Такое неуважение! Ко мне и к моей семье! Да какой ублюдок мог?!»

Итальянский мат лился из уст Данте не переставая, с того самого мгновения, как он не выпил бутылку, а с силой грохнул её о журнальный столик. Он уже почти собрался надеть пиджак и выйти вершить справедливость, понятия не имея, куда и зачем. Но тело не слушалось. Данте был разбит, выпотрошен, и только виски, литры виски, которые чудом ещё не попросились наружу, держали его душу на плаву, не давая ей захлебнуться в собственной злобе. Он тупо уставился на пиджак, лежавший на столике. Пропитанный крепким напитком, он теперь больше походил на плохо выжатую тряпку, чем на часть гардероба дона. Каждое движение Данте было резким, злым. Пиджак, разумеется, это не могло не коснуться. Одно небрежное движение и он уже валялся на полу. Вместе с фотографиями, что оставил Ганс. Они лежали под пиджаком, и теперь, казалось, успели пролететь несколько футов, прежде чем беспомощно шлёпнуться на дубовые доски.

– Ч-что? Фотографии?! А, точно. Немец... – дон скривился, словно от зубной боли, и потянулся к снимкам. Взгляд сам упал на второй кадр: тот, что утром остался без внимания. Сейчас же снимок бросился в глаза итальянца так как куда меньше пострадал от попавшей на него жидкости. Видимо потому, что Ганс положил его снизу, когда бросал фотографии на стол. Этот кадр куда лучше показывал натуру Бьёрна и его друзей: стоя в том же порядке, что и на первом фото, главарь банды держал в правой руке сердце. Данте показалось, будто на нём виднелись следы укуса. Хотя, возможно, всему виной было лишь не самое лучшее качество снимка. Владимир и Ивар, застывшие по обе стороны от Бьёрна, держались за что-то длинное, изогнутое – похожее на человеческий позвоночник. И прямо над головой русского виднелась слегка подтёкшая надпись, сделанная будто бы кровью – «Вскрытие показало, что пациент умер в результате вскрытия».

– Хотел бы я увидеть, как то же самое происходит с тем, кто посмел напасть на мою жену, – мечтательно протянул дон, не отрывая глаз от фотографии и продолжая размышлять вслух. Его тон с каждым словом становился всё более жестокий и безжизненный. Глаза загорелись ярким пламенем, когда он в очередной раз посмотрел на труп. – Матео всегда был фанатом чистой работы, как и все люди в нашем деле, но я не хочу, чтобы эта тварь просто упала на пол со свинцом в башке! Я хочу его сердце...

Двумя пальцами левой руки итальянец коснулся снимка в том месте, где Бьёрн держал сердце поверженного врага. Данте несколько секунд представлял будто он сжимает внутренности обидчика его жены. Воображение разыгралось так, что дон уже какое-то время сидел и медленно сжимал ладонь перед собой, прикладывая заметные усилия. Глядя в тот момент на него, трудно было поверить, что он не псих какой-то, а человек, на чьих руках не один десяток жертв. Неужели ранение жены настолько сильно ударило по нему? Он сам её зашил. Она выживет. Но это не отменяло ни капли её крови, ни того, что она теперь будет носить шрам, навсегда изувечивший её оборотистую спину. Однако, дело было не только в ранении. Главное – это неуважение. Колоссальное, наглое, демонстративное. А для Данте, как и для любого итальянца, уважение значило слишком много.

– Как бы мне сейчасгодились эти психи, – глубоко вздохнул дон. – Бог будто знал в какой день мне их послать. Жаль только слегка поторопился. На несколько часов...

Итальянец начал уставать от разглядывания фотографии. Ему уже надоело смотреть на неподвижные лица членов «Стаи», но расставаться с этим куском бумаги не хотелось. Он уже собрался отложить снимок в сторону – и тут на мгновение задержал взгляд на обратной стороне. Вначале его окатило удивление, а затем невероятно быстро оно переросло в радость, облегчение. Лицо его расплылось в улыбке, которую привыкли видеть в компании Данте все его друзья и верные ему люди. А всё дело в том, что на обороте красовались цифры, написанные аккуратным почерком, будто специально. Но Данте сейчас не волновало, каким образом на этом фото оказался номер телефона. Неутолимым желанием было набрать его, увидеть на своём пороге этих четырёх психов и воспользоваться их страстью к жестоким убийствам.

– Добрый вечер, Ганс. – начал Данте, как только услышал на том конце провода знакомый голос. Дон старался говорить строго, ровно так же, как и сегодня утром, но подозревал, что его озорное настроение просачивалось даже сквозь телефон. – Если хотите ещё раз обсудить ваше с друзьями дело, я вас жду через полчаса. Поторопитесь, я не терплю опозданий.

Первым словом немца после услышанного было: «Спасибо!», затем Данте бросил трубку. Он достал виски, роксы на каждого члена «Стаи» и только тогда заметил, что комната нуждается в очередной уборке, но ему уже было на это плевать. Он хотел увидеть Бьёрна и уже предвкушал как тот приносит ему сердце того, кто посмел воткнуть нож в жену самого влиятельного человека в городе. Всё это время дон не мог и представить себе лицо этого безумца, у которого хватило смелости на такой поступок, но его крик, его мольбы о помиловании он слышал отчётливо, каждый раз, когда думал о мести. Ухмылка не сходила с лица. Наконец, он услышал приближающийся звук мотора, а затем и стук в дверь, которую хозяин дома поспешно открыл.

– Проходите-проходите. Не стойте на пороге. Забыли, что зима на дворе? – говорил Данте с присущими для итальянцев скоростью и эмоциональностью. Гости переглянулись: таким они не ожидали увидеть дона. Но как только дверь захлопнулась, он вернулся к своему привычному стилю общения. – Прошу прощения за беспорядок. Сегодняшний день с самого утра пошёл не совсем по плану.

Гостиная выглядела совсем не так, какой её запомнил Ганс: из крайне приветливой и уютной комната превратилась в угнетающую, и это – после того, как Данте удалось вымыть с пола кровь Эмилии. Впрочем, гостей волновал лишь один вопрос: что же заставило дона изменить решение и как об этом заранее узнал их таинственный знакомый. В частности, Владимира также заинтересовал вопрос о стоимости всего того виски, что был ранее в ныне пустых бутылках рядом с креслом.

– Неужели у тебя появился конкурент, Владимир? – шёпотом сказал Ивар из-за спины русского, заметив, как тот уставился на результат алкогольных пристрастий своего новообретённого «визави».

Данте опустился в своё кресло. Ганс, Бьёрн и Владимир заняли диван и, видимо, были не чужды символизму, потому что их лидер снова оказался в центре. Ивар предпочёл идти куда медленнее своих товарищей, глаза на всё вокруг. Оттого, даже когда все сели, он ещё рассматривал потолок с его увесистой, точно сверкающей при свете дня люстрой. Ему было трудно скрыть своё любопытство и юношескую натуру даже при всей суровости жизни. Бьёрн смотрел на брата, будто ожидая, что тот вот-вот подойдёт и можно будет начать разговор. Но Ивар всё глазел по сторонам. Бьёрн вздохнул, опустил глаза, и на его лице мелькнула улыбка. Тот, кто увидел бы её в этот миг, прочёл бы: «Он такой же, каким я был в его возрасте». Все кроме Ивара в «Стае» по годам больше были приближены к Матео, а вот Ивар, казалось, был немного моложе Данте. Возможно, сейчас ему было столько же, сколько дону в день его первого убийства.

– Думаю, мы можем начать, – неловко перетянул на себя внимание Ганс. Ему всё ещё было не по себе после сегодняшнего утра. Других, как было видно, утреннее происшествие задело куда меньше. – Очень рад снова видеть Вас, господин Кортезио.

– Мы не можем начать. Мы не можем начать, пока роксы пусты, – сказал дон вполне серьёзно, будто речь шла не о виски, а о чём-то более важном. Когда очередь наполнить сосуд дошла до Владимира, тот ладонью показал, чтобы Данте не наливал. – Вы что, не пьёте, Владимир?

Лицо Владимира в момент, когда ему был задан этот вопрос вмиг изменилось. Он смотрел на дона как на безумца, заявившего что Советский союз однажды распадётся. Ивару удалось сдержать смех, Ганс смотрел на русского, будто ожидая услышать от него какую-то глупость, а Бьёрн сверлил итальянца взглядом, желая прочитать его истинные мысли.

– Нет-нет, что Вы, мистер. Я просто всегда пью только со своего стакана, – спокойно заявил Владимир. Через секунду на столе уже стоял гранёный советский стакан, который до этого был в кармане пальто. Будучи знакомым с некоторыми русскими и их любовью к выпивке, Данте по-доброму посмеялся и наполнил стакан до половины.

После того как все выпили, наступила неловкая пауза. Очевидно, Данте хотел изучить новых знакомых, но не меньше этого хотела и «Стая». Стоит отдать Бьёрну должное: его взгляд был настолько твёрд и казался лишённым чувств, что итальянец даже не хотел долго задерживать на нём свой взор. Владимир же – наоборот. Только осушив свой стакан, он стал теплее во всех смыслах слова. Данте даже показалось, что на фотографиях на месте Владимира стоял кто-то совсем другой – до такой степени его каменное лицо на снимках отличалось от ныне доброго и безобидного Володи. Было также заметно, что деньги редко когда посещали кошельки Бьёрна и его ребят. Пальто Ганса, имея всего несколько зашитых мест по сравнению с пальто Владимира выглядело как новое, ибо верхняя одежда последнего, казалось, полностью была сшита из заплаток. От первоначального вида этого пальто остался разве что карман, в котором русский держал свой стакан.

И вот, несколько таких одеяний, залатанных как после схватки с медведем, надеты на людях, которые воевали во Второй мировой, которые видели, как за одну минуту землю покидают сотни душ. За все прожитые года они наверняка не украли ни цента. Сейчас они сидят напротив человека чуть ли не в два раза их младше. Одетый похлеще любой звезды Голливуда, сидевший тут, пока они рисковали жизнью, не проработавший ни дня, весь светится от счастья не в силах хоть на минуту обойтись без самодовольной ухмылки.

В общем-то, наступил момент для той самой игры, когда враги переглядываются, пытаются выведать друг о друге как можно больше и не хотят говорить вслух о том, что они враги. Но всё и так было ясно как божий день. Данте с подросткового возраста был поклонником литературы. Американской в особенности. Но всё же, настолько в своё время его покорило произведение о детективе, живущем в Лондоне, на Бейкер-стрит, что он неоднократно осматривал незнакомых людей, молча рисуя для себя картину: чем этот человек живёт и кто он есть на самом деле. Были, конечно, случаи, когда итальянец оказывался в корне не прав, но когда он угадывал... Эти моменты доставляли ему истинное наслаждение, и о неудачах уже можно было забыть.

Бьёрн – глава своей банды. Он выглядел поистине словно зверь, каждый шрам на его лице будто бы являлся отражением его родины – Норвегии, которая полностью изрезана фьордами. В его серых глазах не было видно ни капли доброты или доверия. Пытаясь найти человеческие чувства в его глубоком взгляде, можно было навеки затеряться. Он смотрел будто бы сквозь Данте, считая его пылью, а смотреть на него самого больше нескольких секунд было невозможно. Всё в нём отдавало какой-то дикостью, свирепостью. Даже голос его был похож на рык волка, что вот-вот прыгнет на жертву.

Ивар, в силу своего возраста, казался куда более открытым и добрым, нежели его брат. Было известно, что он не прочь пошутить за кампанию с Владимиром или Гансом, но в его

глазах виднелась трудная судьба. Сейчас дон этого не видел, так как младший Рагнарссон всю встречу медленно расхаживал по комнате, рассматривая всё подряд. Он был копией своего брата, но пока что ещё куда менее суровым и куда более похожим на человека, чем на дикое зверьё.

Ганс, как стало понятно, был чем-то вроде рупора «Стаи». Несмотря на то, что ему шёл уже пятый десяток, голос его звучал куда моложе и мелодичней, чем у его братьев. Честно сказать, даже немецкий акцент не мешал ему вполне красиво говорить по-английски. Данте заключил, что Маннелиг активно участвовал в допросах, будучи в рядах Третьего рейха. Его тёмные глаза, такие же, как и у донна, всегда выражали понимание, сочувствие. С ним хотелось говорить. Он сильно к себе располагал и выглядел, кстати, довольно опрятно в рамках своего положения.

Владимир же, хоть и имел грубые черты лица, был самый высокий из всех и выглядел угрожающе, на самом деле, казался приветливым. Возможно, такая особенность у него появилась только после употребления крепких напитков, однако же, сейчас было похоже, что он и мухи не обидит. Голос его был хрипловатый и добавлял чуть ли не всем словам щепотку комедии, даже, если сам Владимир этого не хотел или не осознавал, что говорит что-то забавное неоправданно серьёзным тоном.

– Так значит вот он, – глава всех тех, против кого мы воюем столько лет? Честно сказать, разочарован. Всего-то, ребёнок, который неизвестно как дорвался до власти, – абсолютно без эмоций вдруг выпалил Бьёрн.

Обычно, после таких слов в человеке сразу оказывается пуля, но норвежец был ещё жив и ни один мускул на его лице не дрогнул. Этими словами главарь «Стаи» приковал к себе удивлённые взгляды своих товарищей и, как только Ганс решил начать просить прощения за такого уровня грубость, Данте его перебил. Скажи ему кто-нибудь такое утром или в любой другой день, это бы плохо обернулось для всех присутствующих. Но сейчас итальянец был пьян. Ему было в меру плевать на всех и каждого в этой комнате. Он хотел лишь использовать жестокость «Стаи» в своих целях, а потом и убить их, чтобы меньше болтали. Но не сейчас.

– Я готов помочь вам в том, чего вы так жаждете, если только вы поможете мне, – ухмылка, так раздражающая Бьёрна испарилась с лица Данте. Он заново прожил в мыслях сегодняшний вечер. Ему было абсолютно непривычно просить о чём-то людей по типу его гостей: этих бедных простаков, у которых ещё и мозги не на месте... О том времени, когда дон и сам был бедным простаком он, видимо, предпочитал не вспоминать. И всё-таки, Данте медленно продолжал, смотря в глаза то одному то другому.

Итальянец начал говорить таким тоном, будто рассказывал мрачную историю.

– Некий человек, которого мне бы не составило никакого труда найти самому... естественно – дон запнулся, будто ком застрял в гортани, – совершил сегодня вечером страшное преступление.

Язык заплетался, пока эмоции продолжали накатывать. Данте моментами выкрикивал некоторые слова.

– Он ранил мою жену, воткнув нож ей в спину. Не один раз, а несколько! В нашей среде такое не считается случайностью! Сейчас она спит наверху, на втором этаже. Спасибо её привычке всегда и везде надевать шубу. Однако! Человек, посягнувший на жизнь моей спутницы жизни, должен понести наказание, причём такое, чтобы сам молил о смерти. Я знаю, вы в этом деле, – Данте провёл пальцем воображаемую линию вдоль дивана, – настоящие профи, господа!

На лицах всей «Стаи» на мгновение появилось сочувствие. Больше всего изменился в лице Ганс, ибо он единственный видел Эмилию, и она оказала на него сильное впечатление. Владимир после речи донна хотел сказать что-то в роде: «Ну и наградил же Господь итальянцев даром так пафосно разговаривать!» но сдержался, ибо алкоголя внутри него было ещё слишком мало, чтобы он перестал думать, о чём говорит. Ивар, казалось, в разговор не вступал и мысли

его были о чём-то своём, а неуважение Бьёрна к Данте росло: Он слушал, не меняя лица. Но внутри уже всё кипело.

«Поразительно... У тебя не хватило мозгов приставить к жене охрану. Или же ты просто донельзя самоуверен? Всё как-то странно и похоже на разыгранный спектакль... Нужно будет поговорить с ребятами», – всё размышлял главарь. – «И всё-таки, не нравится мне тот ублюдок, что на днях нас нашёл. Если бы я знал, что под удар пойдёт женщина, ответ был бы однозначный...»

– Конечно... да! – начал немец после того, как Бьёрн похлопал его по плечу. – У нас свои каналы в бедном квартале. Большинство преступников ведь там живут. Будьте уверены, мы всё сделаем, но...

– Иногда я позволю себе закрывать глаза на последствия вашей... работы – Данте перебил гостя понимая, к чему тот ведёт. – Но это только в том случае, если вы меня не разочаруете.

Бьёрн, поднялся первым – на выход. За ним последовали и остальные. Видно, люди они были крайне немногословные, ибо только у самого порога Ганс и Ивар выдавили из себя: «До скорой встречи, мистер Кортезио».

– Очень скорой! Ха-ха! – добавил Владимир, добродушно приправив свои слова хриплым смехом. Видимо, он был крайне доволен выпивкой и рассчитывал, что через время ему удастся испить ещё. Дверь захлопнулась и, по уже привычному сценарию, «Стая» пешком шла до ближайшей телефонной будки о чём-то рассуждая.

А Данте... А что Данте? Он, конечно, тешил себя надеждами встретить столь желаемого гостя уже завтра. Сейчас ему, конечно же, стало ощутимо легче. Итальянец уже видел, как утром, чуть солнце встанет, он пойдёт в свой бар. Там он порешает важные дела, проведёт пару встреч, выслушает болтовню о положении дел в бизнесе. Затем выпьет, но лишь слегка, ибо сегодня уже перебрал. Наконец, он приедет домой, и увидит на пороге коробочку, а в ней – сердце.

Правда были сомнения, что Данте вообще сможет встать следующим утром. Весь сегодняшний день будто был создан только для того, чтобы принести ту боль и страдания, коих он не испытывал уже очень давно. В голове у Данте промелькнула мысль, что он и полжизни не прожил, а уже размяк: уже не тот, что был раньше и всему виной он сам, ибо нарушил правило, которое самолично придумал.

«Ну, если уж такое в голову лезет, то точно спать надо», – заключил дон, с печальной улыбкой смотря на бутылку, которая только что пополнила ряды пустых, стоило Бьёрну и его людям отойти от дома. А они и не думали ложиться спать: им предстояло потратить ночь дабы найти обидчика Эмилии. Для них это дело касалось не столько возможности получить покровительство, сколько всей той подлости и жестокости насилия по отношению к невинной женщине.

– Я разве не говорил вам ещё в начале всей этой канители, что мне это всё не нравится и лучше нам и дальше делать всё своими силами и не отсвечивать! – ворчал Владимир, – А если во всей этой истории вскроется наше участие? Нам же... Нам же больше не налыют!

– Мальчик-то дурак, Володя, – говорил Бьёрн. – Кто ему скажет, что мы тут замешаны? Если он заподозрит нас, то я буду рад тому, что он не полный идиот. Позвоним тому уроду, что подставил нас, пошлём его к чёрту, а дальше – сами по себе. Как и прежде.

– Хорошо, что Эмилия осталась жива. – встрял Ганс, – Иначе, всё могло бы обернуться куда хуже для нас.

– Эмилия?! Это имя жёнушки дона? – удивлённо спросил Ивар, повернув своё лицо к немцу. – Ты её видел, да? А ну-ка, Ганс, рассказывай, хорошенькая?

– Тише, брат. – скомандовал Бьёрн, пока Ганс в мыслях одобрительно отвечал на вопрос Ивара. – То, что пострадала женщина – плохо в любом случае. Её имя и то... хорошенькая ли

она, ничего не значит и значить не должно. А то, что она жива – это действительно лучше, чем если бы мы могли быть виноваты в её смерти.

«Стая» остановилась возле той самой будки на углу.

– Мы пришли. Звони, Ганс, – главарь не переставал указывать. Немец вздохнул, дверь скрипнула, а далее для всех наступила тишина – губы звонящего двигались беззвучно для остальных.

– Слушайте, – почти прорычал Ганс, как только услышал, что на звонок ответил знакомый голос. – Нас не устроила Ваша так называемая «помощь». Мы от неё отказываемся и впредь будем работать сами, как и до этого.

– Хм-м... – протянул голос. Затем он заговорил грозно, приправляя речь иронией и сарказмом. – Вы действительно считаете, что в состоянии спокойно продолжать работать без меня? Теперь – точно нет! Не пройдёт и дня, как вашего главного и Вас, Ганс, в том числе, начнут подозревать. Вы думаете, вы способны противостоять всему городу? Держу пари, завтра вечером ваша банда будет висеть на крюках вместо нескольких свиных туш с мешками на головах. Ведь Данте отказал вам, и вы решили напасть на его жену. Бедная девушка пострадала из-за вас, Ганс. Неужели вам не стыдно? – из трубки раздался холодный смешок. Баритон будто прекрасно знал, что Эмилия задела какие-то струны в душе немца, и так безжалостно оскорбил его чувства, запятнал его честь. Ганс швырнул трубку на рычаг, чуть не разбив её вдребезги.

Вся «Стая» столь редко наблюдала Ганса в гневе, что, когда он вышел из будки, они не могли скрыть своего удивления и даже лицо Бьёрна в этот момент было не столь безжизненно как обычно. Но каждый из них понял, что дело складывается далеко не лучшим образом и вариантов оставалось совсем немного.

– Ведь если мы придём к нему завтра, пусть и без трофея... Мы придём и постараемся всё объяснить. Мы же не стали бы идти, будь мы виноваты, так? – Ивар старался хоть что-то предложить.

Глава IV: Chi cerca – trova

Было всего-то полпятого утра, когда Данте уже открыл гараж и сел за руль своего чёрного Кадилака. Мысли итальянца были скомканы. Его вчерашние размышления и планы на будущее... от всего этого осталась лишь идея, которой дон сейчас и следовал: поехать в свой бар и возобновить запасы виски в организме. Сейчас, кажется, он был готов посмеяться в лицо тем, кто заявлял, будто бы человек по большей части состоит из воды. Он был готов посмеяться, но не смог бы этого сделать, так как не спал всю ночь и вовсе неизвестно, что за сила сумела заставить его объезжать машины на дороге вместо того, чтобы врезаться в одну из них и хотя бы таким образом вздремнуть от потери сознания.

Прошлой ночью Данте выпроводил гостей, затем решил, что сон избавит его от дурных мыслей – эти события чудом удержались в его голове лишь по той причине, что, открыв дверь в спальню, он увидел Эмилию. Та лежала на кровати: в сознании, смиренная и тихая. Девушка взглянула на мужа глазами, полными слабости и боли. Она тепло улыбнулась ему, когда увидела, как с лица его вмиг сошло всё напряжение и разочарование, но, честно говоря, взгляд Эмилии всё ещё расстраивал дона. Всеми виной стыд за себя: за все те пороки, которыми только мог обладать молодой, бахвальный и опрометчивый мальчишка. Он, имея влияние, деньги, да ещё и нарушив своё же правило, не мог обеспечить своей женщине безопасность. Но её улыбка... В ней собралось всё тепло Рима – будто все жители вечного города отдали часть себя ради того, чтобы осчастливить одно единственное личико Эмилии. Весь её холод куда-то ушёл, вся её грациозность куда-то испарилась. Она наивно смотрела словно обычная девчонка из какой-нибудь Тосканы, которая никогда не имела богатств в своём роду, простая словно голубь. Карие глаза, на свету напоминающие столь любимый итальянцами кофе, начали поблёскивать. Эмилия еле сдерживала слёзы. Всё-таки, девушкой она была гордой: не хотела показывать свою слабость даже в такой сложный момент и расстраивать мужа ей не желалось ровно так же. Попробуй объяснить этому бедняге, у которого голова тогда не соображала совсем, что это не слёзы печали, а слёзы радости от того, что всё сейчас хорошо.

– Любимая! Я так рад, что вижу твои глаза. Родная моя, – говорил Данте с самой широкой улыбкой на всём белом свете. Его язык с сильным трудом изворачивался как мог, дабы произносить слова. Затем он с печалью продолжил. – Эмилия, прости меня! Мне стыдно, невероятно стыдно. Я не смел подвергать тебя опасности! Мне жаль, очень жаль!

Итальянец свалился на кровать и уснул, только губы его коснулись тоненьких, нежных ручек жены. Он едва удержался от того, чтобы не рухнуть своим телом в ноги девушки. Кулаки его и не смели разжаться, чтобы, не дай Бог, отпустить Эмилию. Казалось бы, не смотря на весь ужас прошедшего дня, самый его конец оказался как нельзя лучше. Так думал и Данте, если судить по его радостным хмыканьям во сне. Но стоило начаться новому дню и сон для дона уже абсолютно не представлялся возможным, ибо приснился ему ужасный кошмар.

Он начинался вполне обычно: Данте и Эмилия гуляют по городу. На улице тепло, оба любящих сердца бьются в унисон, а молодые люди в чьих грудях живут эти сердца, смотрят друг на друга, улыбаются и не думают отрывать взгляд. Дона восхитила эта часть сна, ибо искреннюю радость на лице жены, столь сильную, что скрыть смех было невозможно, он не видел уже несколько месяцев. Пытаясь задобрить её подарками, новым авто и дорожными платьями, он не замечал ничего, кроме вымученного согласия и лишь слегка подобранных глаз, ведь главную мечту жены он был не в состоянии исполнить. Или же, ему просто не хотелось бросать всё и уезжать в Италию. А во сне, в этом прекрасном сне девушка наконец смеялась. Данте готов был вечно наслаждаться этим звуком счастья, но тут его жену вдруг прервал некто другой. Его гомерический хохот не был признаком чего-то доброго: жуткий силуэт из темноты сопровождал своё присутствие надвигающимся гулом сильного ветра, совместно с лязганьем

цепей – вот на что это было похоже – таков был его холодный, осипший смех. Будто бы человек, который его издавал, почти не имел голоса, шипел словно змея. Звук был монотонный и никак не умолкал. Когда итальянца начало это раздражать, он злобно крикнул во тьму, требуя от незнакомца, чтобы тот заткнулся. Но вдруг, крошечную темноту перекрыла белая вспышка, – выстрел. Данте очутился на коленях, руки его в крови, а на них мёртвая жена и всё это под непрекращающийся хохот: сиплый, абсолютно бесчеловечный.

Как и все кошмары, этот был сумбурен. В нём было мало деталей, он был не слишком долгий, но смех прямиком из сна засел в голове итальянца и не вылезал оттуда всё то время, что он ехал в бар, а уж там он встретил кое-кого такого, что образ трупа его покинул и Данте сделался настолько улыбчив, насколько позволяло его тогдашнее состояние.

Дон толкнул дверь из тёмного дерева, даже не обратив своего пристального внимания на вывеску у окна рядом с заведением, на которую он всё время с чувством достоинства глядел и мысленно произносил слова, написанные на ней: «Гадкий Койот». Данте сам придумал это название и очень гордился тем, как точно оно описывает всю подноготную его города. Всё то, что происходило в нём последние лет тридцать, любой человек, которому чуждо нарушение закона, назвал бы не иначе как невыносимая гадость.

И лишь из-за того, что Данте привык осматривать свои владения перед тем, как сделать то, зачем пришёл, он заметил Матео, который стоял чуть поодаль от входа, справа. По-видимому, отдавал какой-то приказ одному из своих солдат. Слева же от двери была расположена барная стойка, а за ней стоял бармен Чарли. Он был чернокожим и являлся, как он сам считал, в вечном долгу перед Данте за то, что тот принял его на работу, смиловавшись над его бедностью и не принимая во внимание тёмный цвет кожи. Бармен всегда был очень рад видеть дона.

– Доброе утро, мистер Кортезио! – окликнул итальянца юноша так громко, что о его появлении в баре могла прознать вся улица. Белоснежные зубы Чарли показались наружу, лицо светилось от счастья. – Рад видеть Вас! Очень рад!

– Я тоже рад видеть тебя, Чарли. – сказал Данте, пытаясь выглядеть воодушевляюще. Он решил подойти к юноше, дабы перекинуться парой слов ради приличия и всё-таки совсем немного выпить. – Ещё ни свет ни заря, а ты уже тут! Всегда уважал тебя за трудолюбие, парень!

– Спасибо Вам за похвалу! – юноша закончил протирать барную стойку и принялся наливать виски в рокс из первой попавшейся бутылки. – Но я ведь живу в баре. На складе, слева от стойки. – юноша бросил мимолётный взгляд на невзрачную, маленькую дверцу слева от него.

– Да как же так, Чарли? – удивился дон. – Тебе двадцать лет, кажется. Пора уже и девчонок к себе водить, а? – Данте выдавил из себя смех, стараясь не показывать, как ему плохо. При своих людях он всегда выглядел уверенно, готовым отпустить колкую шуточку. Заметив, как юноша неловко засмеялся в ответ и вздохнул, тон его сменился на более заботливый. – Если вдруг мы мало тебе платим или у тебя проблемы, то ты только скажи и мы всё решим.

– Да что вы, сэр, ничего не случилось. Какие могут быть проблемы! – Чарли снова засиял. Ему не хотелось, чтобы Данте подумал, что юноше у него плохо. Меньше всего Чарли желал расстроить хозяина бара. – Квартирю я недавно арендовал, только не себе, а маме. Живёт теперь одна наконец-то. Соседи её по комнате вечно жаловались на мамин характер. Больше пары недель не выносили. Приходилось всё время искать новую комнату... Теперь-то проживёт одна! Я ей продукты привожу хорошие. Она счастлива. А я слишком привык к бару. Мне правда удобно тут. К тому же, всегда смогу Вас застать здесь.

– Ладно-ладно, Чарли. Дело твоё, я тебе верю. Рад за миссис Смит! Но если что, ты... – кто-то прервал Данте тем, что приобнял его, а затем похлопал его по плечу.

– Рад тебя видеть, друг! Снова пьёшь стоит только утру наступить? – рассмеялся Матео. Как ни странно, но сегодня, кажется, у него был отличный настрой. – Пойдём присядем за стол, позавтракаем да поговорим. Последний раз, как мы виделись дело было не до разговоров, согласен?

– А почему бы и нет. Да, конечно, я не против. – мрачно ответил дон. Стоило Данте выпить рокс виски прямо перед тем, как Матео повёл его за стол, как дону стало заметно хуже. По крайней мере, встреча с капо уже не вызывала у него былой радости. Два итальянца присели друг напротив друга. Они сидели на диванах из красной кожи за столом из тёмного дерева. На всех столах в заведении лежало по одному ножу и вилке с каждой стороны. А пол под ногами был дубовый, такой же, как и барная стойка.

– Ну, расскажи мне, – начал Матео крайне бодро. – как проходят дни дона? Ты подумал на счёт «Стаи»? Что собираешься делать с этими чудаками?

– Бьёрн, его брат Ивар, Владимир и Ганс? – спросил Данте, будто уточняя у капо о той ли «Стае» идёт речь. Неудивительно, что парень туго соображал после вчерашнего. – Ты знаешь, они приходили ко мне. Я только сейчас понял, что какое-то странное совпадение. Только ты мне о них рассказал, как на следующее утро я вижу у себя на пороге этого... Ганса.

– То, что ты умудрился запомнить их имена – вот это странно. Хотя, в тебе я никогда не сомневался, – смех капо вновь озарил помещение. – Чтобы узнать что-то о тебе им пришлось выйти из тени, а стоило им выйти оттуда, как мои ребята их вычислили и принесли мне дела. Не мне тебя этому учить. Ты и сам знаешь, как работает это дело. О! А вот и Чарли с моим любимым пирогом!

Бармен нёс у себя в руках две тарелки с выпечкой, которая была на совесть полита малиновым сиропом. Вместе они создавали такой прекрасный аромат, что Данте, не евший ничего со вчерашнего дня и потерявший много сил за последние сутки, откусил за раз четверть круга и даже вероятность стошнить прямо на стол его не удержала. Капо так удивился аппетиту своего друга, что на его лбу сразу стали заметны все морщинки. Он опустил взгляд к себе в тарелку, его орлиный нос зашевелился в попытках полностью насладиться запахом пирога, а затем, отрезав маленький кусочек ножом, он его пережёвывал, издавая такие звуки, будто бы это было вкуснейшее блюдо за всю его жизнь.

– Когда ты приходил недавно, то не был столь весёлым. Что случилось с тобой, друг? – улыбаясь спрашивал Данте. Пирог был действительно вкусный, и тошнота даже не подступала. – Может быть, дама какая-то сердце твоё наконец пленила? Сколько знакомы мы с тобой, не припоминаю, чтобы у тебя был хоть с кем-то роман.

– Ну, во-первых, ты сам придумал правило, помнишь? – Матео вновь взял кусочек в рот. Немного промолчав, он продолжил. – А, во-вторых, на кой чёрт мне женщина, если красивей твоей Эмилии она не будет? Моя жена, если она будет, должна быть непременно красивей твоей! Кстати, как поживает твоя избранница?

– Правило... избранница... – Данте поперхнулся. Прокашлялся. Еда застряла где-то в груди, и он вдруг понял, что солгать точно не сумеет. Хотя, ещё минуту назад он подумывал промолчать, если вдруг до этой темы дойдёт. Но что-то щёлкнуло. Может, усталость. Может, этот чёртов пирог, который в один момент стал безвкусным. Он сунул в рот ещё кусок, не прожевал, заговорил, будто торопясь, будто если не сказать сейчас, то язык онемее. – Вчера... я вышел из дома. А она лежит у ворот. Кровь. Вся спина, – Данте сжал руку, словно держась за рукоять ножа и ритмично имитировал колющие удары. – Матео, ты представляешь?! Нож. Кто-то просто... просто машина рядом. И вот кто-то наблюдал. Будто хотел убедиться, что я увижу. Что я... – дон запнулся, посмотрел в тарелку, на малиновый сироп, который вдруг стал напоминать нечто другое. – Что я точно буду это помнить.

– Я как чувствовал, друг. Стоило мне догадаться, – скороговоркой проговорил Матео. Во время рассказа Данте он и бровью не повёл, лишь еле слышно вздохнул, услышав о трёх ударах, которые пережила девушка. – Поэтому я и спрашиваю тебя, всё ли с ней хорошо? Вчера, так уж случилось, моя машина стояла рядом с домом той подружки Эмилии, к которой она часто заходит, когда вы в ссоре. Не спрашивай, что я там делал. – капо слегка покраснел и неловко посмеялся, на миг опустив глаза. – Отношения иметь нельзя, но мечтать о них ты не запрещал,

верно? Так вот, потом я увидел чёрную машину, что припарковалась прямо впереди меня. В голове моей на секунду показалось странным, что с «Фиатов» и «Кадилаков» ты пересадил ребят на невзрачные «Форды», но Эмилия без колебаний сама села в машину и я подумал, что ты просто решил сменить стиль, знаешь? Меньше выделяться было бы довольно хорошим решением.

Данте вновь с ног по самую голову пропитался стыдом и сожалением. Сейчас он был готов убить себя прежнего за то, какой он был беспечный и за то, что ему пришлось за это пережить. Тарелка почти опустела. Остался один маленький кусочек, полностью залитый сиропом и его, кажется, не хватило бы, чтобы вновь сделаться хоть немного бодрее.

– Знаешь, Матео, – дон набрался сил рассказать ещё кое-какую деталь вчерашнего вечера. Несмотря на то, что его друг был всего-то капо, а он стоял на несколько ступенек выше него, разница в возрасте и безмерное уважение к другу иногда меняло для Данте роли в семье. – Вчера вечером у меня был разговор со «Стаей». И я заключил с ними сделку. Сегодня они подадут мне того, кто напал на Эмилию и разделаются с ним у меня на глазах. Так, как они это любят делать.

– Ну, а ты, стало быть, пообещал им что-то типа свободы? – Матео хихикнул с пирогом во рту. – Ты обратился к ним: к этим сумасшедшим вместо того, чтобы обратиться к проверенным людям. – Капо показал столовыми приборами в свою сторону. Матео говорил с повышенным тоном, но быстро понял, что главный из сидящих за столом не он. Затем продолжил разговор в типичном для него сегодня, сияющем настроении. – Впрочем, дон не я, решать было не мне. Но, уверен, в тот момент ты просто был голоден. А как ты знаешь, *La fame dà cattivi consigli!*

– Голод даёт плохие советы? Да, точно... – говорил Данте, будто напрягая все извилины в своём мозге, чтобы вспомнить, что значат последние слова Матео. Стоило пирогу закончиться, как дон снова сделался серым. Ещё и слово «голод» уж точно не самым лучшим образом повлияло на его настроение. – Вовремя ты решил вспомнить итальянские пословицы. – Данте устало вздохнул, прикрыв лицо руками. Видно, ему опять стало плохо.

– И с каких это пор тебе стало трудно понимать пословицы на твоём родном языке? – с лёгким упрёком задал Матео вопрос другу. Он всегда при подходящем случае шутливо журил дона в том, что тот слишком сильно любит Америку. – Мы – итальянцы! Не забывай это, дружище. – Капо вдруг поднял глаза слегка вверх и мечтательно добавил, делая ударение на каждом слове. – Рим, Флоренция, Тоскана! Сицилия в конце концов! Вот что должно сниться нам по ночам.

– Да простит меня папа и вся Италия, но этой ночью мне снился отнюдь не Рим или Сицилия. – мрачно ответил дон. На его лице появилась печальная улыбка. Кажется, она была вызвана тем, насколько неудачно развернулся диалог с человеком, которого Данте был так рад видеть изначально. Теперь же положительные эмоции от вкусного завтрака поутихли, а холодный, монотонный смех прямиком из кошмара вновь мучал беднягу.

– Ох, твоя любовь к этой стране с её Голливудом и дерьмовыми книжками с картинками совсем сбили меня с мысли. Я ведь не рассказал тебе о вчерашнем вечере до самого конца. Тебе понравится финал истории! – со всей энергичностью заговорил Матео, пытаясь поскорее обрадовать друга, заметив, как тот лишился последней капли радости. – Я приехал вчера вечером домой, ничего так и не предприняв на месте. Но я запомнил номер машины! – капо не забыл вновь посмеяться в момент, когда Данте так резко вытаращил глаза на собеседника, словно его прошибло током. – Вернувшись домой, я всё-таки позвонил кому надо и сегодня водитель того «Форда» уже найден! Лука, мой солдат, я говорил с ним, когда ты вошёл. Он с минуты на минуту должен привезти этого одноглазого со склада своего дяди. Мы обо всём успели договориться.

– Матео! – Данте вскочил с дивана. Глаза его стали влажными и он даже не пытался этого скрыть. – Ты... ты серьёзно? Он уже здесь? Он... – дон выдохнул, и это был не просто выдох,

а будто груз с плеч, который он нёс всю ночь. – Спасибо. Я не знаю, что бы я делал, если бы... Если бы не ты.

Данте был готов прямо сейчас расцеловать друга, уже выходя из-за стола, как вдруг заметил взгляд капо, застывший на барной стойке. Очевидно, Матео не желал, чтобы Чарли слышал возгласы дона.

– Присядь, Данте, прошу тебя. – говорил Матео заметно тише прежнего. Его лицо пыталось примирить молодого дона. Жестом руки он показал, мол: «Не нужно суетиться, присядь на место, юный друг». Следующие слова капо произнёс с какой-то заботливой осторожностью. Он смотрел на Данте, как учитель на ученика, который имеет потенциал, но никак не возьмётся за голову и не выучит уроки. – Чарли хороший малый, но зачем же ты, дон, показываешь при нём такую эмоциональность? Ты же знаешь, стоит стать овцой и волк тут как тут!

– Ой! Да к чёрту пословицы, Матео! – дон с грохотом опустил руки, которыми хотел обнять друга. Он не заметил того, что в момент его слов Матео явно проглотил раздражение от пренебрежения им итальянской культуры. Голос Данте срывался от волны эмоций, хотя он старался говорить шёпотом. Дон наклонился к своему капо всем корпусом. Матео легко мог рассмотреть глаза друга, которые поблёскивали от сдерживаемого желания заплакать и горели в огне благодарности и вечного долга за оказание помощи. Эти чёрные глаза ещё минуту назад были мертвы, без капли света они смотрели на Матео всю беседу, но сейчас в них жизнь, наконец, бьёт ключом. – Посмотри на Чарли! Какой же он волк? Кстати, напомни мне выделить парню на Рождество деньги на квартиру!

– Хм, ладно. Конечно напомню, дело твоё. Но я ведь вовсе не о нашем бармене говорю, друг. – лицо Матео приобрело строгий и взволнованный вид. – Я говорю о волке... норвежского происхождения.

– Ох, да что говорить об этом волке? – Данте со вздохом плюхнулся на своё место. Его вздох уже не выражал усталость или грусть. Он был вызван, скорее всего, раздражением от того, какое пристальное внимание уделяет Матео кучке жестоких, восхитительно жестоких, но очень незначительных психопатов. Дон продолжил говорить, растягивая свои слова, будто смакуя их и получая удовольствие от того, что всё будет именно так, как он хочет. – Сегодня они придут ко мне. И либо я убью их после их работы, либо до. Пусть они устроят расправу у меня на глазах, а потом... – дон задумчиво добавил, вспоминая лицо главаря «Стаи».

– Хотелось бы Бьёрна лично вскрыть, чтобы понять, человек ли он вообще? Я в этом сомневался, Матео. Не раз. Глядя ему в глаза, я... – Данте подпёр подбородок. – Я действительно усомнился.

– Вскроешь! Лично вскрыешь, пока рядом стоять буду я! – решительно заявил Матео. – Этот водитель «Форда»: тот, который осмелился навредить твоей спутнице жизни, он русский, Данте. Рус-ский! – повторил капо по слогам. Его речь была быстрой и эмоциональной – даже итальянский акцент вылез пуще прежнего. – Я абсолютно не удивлюсь, если это дружок того Владимира или как там его. Они осмелились нанести тебе такой удар, который даже ветераны нашего дела не применяют. В них слишком много уверенности. – Матео всё возмущался и возмущался, смотря на своего собеседника.

Наконец, закончив высказывать своё мнение, он опустил глаза в тарелку после того, как его вилка издала пронзительный звук, столкнувшись с пустой тарелкой. У обоих друзей кончился пирог и капо, будто вспомнив что-то посмотрел в окно рядом с собой и продолжил.

– Я вижу наконец Луку. Вернее, я вижу его машину, а он... – Матео перевёл взгляд в сторону дверного проёма. Оттуда как раз кто-то заходил внутрь. – Вот он! Ха-ха!

Лука был солдатом в команде Матео. Ему едва исполнилось девятнадцать, но в семью его взяли ещё до совершеннолетия и вовсе не за боевые заслуги, как он сам наивно полагал (драться парень умел только по его собственному убеждению). Матео тогда убеждал Данте: «Парня нужно взять, у его дяди несколько складов с мясом по всему городу. Удобно будет

прятать... всякое». Данте согласился: спорил с другом он редко, да и тот часто приводил хорошие аргументы в свою пользу. Сам же Лука выглядел неподходяще для мафиози: худощавый, веснушчатый, с голубыми глазами, которые вечно горели при любом поручении. Ему доставалась роль водителя: возил со склада подозрительных ребят, иногда был водителем для важных клиентов. Он брался за любую работу с таким энтузиазмом, будто каждый раз спасал мир.

Наконец, ему доверили что-то действительно важное и, когда он вошёл в бар, то выглядел очень забавно. В особенности потому, что одежда пыталась придать ему строгости. Он был одет ровно как Матео: шляпа, пальто, брюки, туфли, и из всего этого белым была разве что рубашка, выглядывающая из-под верхней одежды. Но из-за того, что его давняя мечта, – выполнить важное поручение, – была исполнена, вся его ещё не зрелая натура вышла наружу: он еле сдерживался, чтобы не идти вприпрыжку или не начать плакать от радости.

– Босс, я так рад! Так рад! – юноша начал пожимать руку Матео со всей радостью. Он подлетел к месту, где сидел капо быстрее, чем электричество доходит до лампочки. Да и светился юноша не хуже, а может быть и намного сильнее. – Спасибо Вам, спасибо!

– Держи себя в руках, когда стоишь в метре от дона! – со всей строгостью сказал капо, не отрывая глаз от Данте.

– От дона? – Лука несколько раз моргнул, глядя на Данте. Он не мог поверить своим глазам. Было заметно, как к его горлу подступает смех, а юноша разрывается в попытках не выпустить его наружу. – Ахах, господин Кортезио, ах-ха-ха... разрешите поцеловать вашу руку!

– Да, конечно-конечно. – Данте не сразу вспомнил юношу. Он вообще отменил этот обычай год назад – целовать руки дона, – но Лука уже навис над ним с таким сияющим лицом, что отказать ему не повернулся язык. Дон позволил.

– Молодец, Лука! Прямо как я тебе говорил. Молодец! – сказал Матео. Юноша же поцеловал левую руку дона со всей любовью. Он уж было хотел что-то спросить: тысячи вопросов таились в его юной голове, но капо перебил. – Деньги я тебе в ближайшие дни передам, не переживай.

– Да нет, нет же! – немного постояв на месте, Лука осмелился нагнуться к уху своего босса и робко, но сгорая от любопытства шептал. – Это же насколько важное дело, что я дона увидел! А вы будете пытаться того русского? Вы его убьёте? А что он сделал? Вы будете отрезать ему язык? А голову?

– Да я сейчас тебе сначала язык отрежу, а потом голову! – тихо погрозил Матео солдату. Он вздохнул и заботливо, с натянутой улыбкой сказал. – Ты сделал дело, сынок. Оставь машину и иди, ладно? А мне с доном, – капо с гордостью посмотрел на Данте, – нужно ещё кое-какую информацию обсудить. Ступай, Лука. Ты молодец.

– А для меня будут ещё такие дела? – сверкая от надежды спросил юноша. Сегодня явно был лучший день в его жизни.

– Будут-будут, сынок. – скороговоркой говорил Матео. – Иди же! Иди!

– Я отменил поцелуй рук в семье. Я был против этого изначально! Это глупо! – возмутился дон только юноша вышел из бара.

– Ты отменил, правда? – с недожинным удивлением спросил капо. – Я и забыл. Нет, правда забыл. Но ничего, сейчас ведь не об этом нужно говорить. Я хочу тебе сказать кое-какую важную вещь, дорогой мой друг!

– Неужели ты решил стать всё-таки моим консильери?! – спросил Данте. Лицо его в этот момент чем-то отдалённо напоминало лицо Луки. – Давай же, ну! Устроим тебе проверку, ты её без проблем пройдёшь. Та можно и без всяких проверок! Ты же столько лет положил в наше дело. Ты стал капо ещё при Алессандро и всё сидишь на одном месте!

– Нет, я совсем не об этом! Совсем не об этом... Я говорил тебе, я не могу! – Матео потерял контроль. Лицо его на миг стало печальным, взволнованным. – Ты же знаешь, что случилось с Алессандро. Его убил собственный консильери. Я видел это, Данте. Я был там. Не

заставляй меня... – он замолк, провёл рукой по лицу, словно стирая воспоминание. Несколько секунд смотрел в тарелку, на остатки сиропа, и когда поднял глаза, в них уже не было той лёгкости. – Я очень дорожу тобой. Ты как племянник мне. Я редко вижусь с тобой, к тому же, в последние годы мы редко беседуем... но сегодня ночью ты против «Стаи» и того русского не пойдёшь. С тобой буду я. Твой дядя, – он криво усмехнулся своим же словам, будто они звучали глупо, но он не знал, как иначе сказать. – Я буду рядом.

– Ну, вот и отлично. – сказал Данте так, будто устал слушать долгую речь и наконец может встать и уйти. – Стало быть, допью ту бутылку, что Чарли открыл, и поедем домой. Отосплюсь и будем ждать! – Дон потёр ладони в ожидании вечернего приёма гостей.

Наконец-то итальянцы собрались выходить из бара. Они встали, поблагодарили Чарли за пирог, и вот уже почти открыли дверь, чтобы оказаться на улице, как взгляд Данте, а затем и его рука потянулись за той самой бутылкой, что Чарли открыл для него. Это была та самая, первая попавшаяся бутылка виски, от одного рокса с которым, Данте заметно больше стал похож на мертвеца. И сейчас дон стоял напротив Чарли, который, выпучил глаза, будто был готов к тому, что сейчас произойдёт что-то ужасное. И он оказался прав.

– Сзади Вас туалет, сэр. – очень виноватым тоном сказал бармен, заметив, как ноги Данте стали подкашиваться в тот момент, как он допивал напиток. Когда дон молнией ринулся в уборную, он открыл дверь и чудом успел наклониться к унитазу в самый последний момент. Под звуки тошноты, что издавал итальянец, Чарли держался за голову дрожащими руками, закрыв ими глаза и очень-очень тихо, задыхаясь от волнения говорил. – Ирландский виски... я забыл... он не пьёт ирландский... он не пьёт... Мамочка прости! Тебе снова нужно будет иметь соседей...

– Ирландский виски?! – взревел Матео смотря на этикетку из-под пустой бутылки, которая выпала из рук дона, когда тот начал бежать к туалету. – Да как ты мог! Как посмел!

– Простите! Простите! Я забыл, я поздно вспомнил! – слёзы одна за другой начали капать с глаз Чарли. – Мне очень жаль! Если господин Кортезио захочет, я могу работать месяцы без зарплаты, только пусть не выгоняет меня! Я не хочу на улицу снова! – юноша разревелся, не в силах больше сказать хоть слово.

– Ты не виноват в том, что эти уроды виски делать не умеют, Чарли. – с заметным усилием произнёс Данте. Он вышел из туалета, вытирая рот, и попытался натянуть улыбку, пусть и жалкую, – чтобы парень не волновался за свою работу. – Чёртовы ирландцы... ненавижу ирландцев... не дай мне Бог быть знакомым хоть с кем-то из этих лепреконов!

Глава V: Quello è mio zio che vuole il bene mio

Едва наступила ночь, как город зажёгся второй жизнью. Вывески и гирлянды вспыхнули на входах кафетериев, оббивая окна, – владельцы готовились к приёму гостей, даже если те ещё не пришли. На улице начали активно появляться пьяницы, которые с детской радостью, несмотря на их зрелость, пели песенки про Рождество и были рады действительно веселому поводу выпить. В Койот Сити по обоюдному согласию всех донов города было установлено правило: за пару недель до такого важного праздника как Рождество, немного умерить свой пыл и не ввязываться в громкие дела. Чтобы обычный народ, имея поразительно короткую память, за время зимних праздников забыл об абсолютной блеклости, бесконечной опасности и ненадёжности своих никчёмных будней. Алкоголь, от которого в этом городке всегда ломились полки, здорово помогал итало-американской мафии в их миссии спустить давление. Так было из года в год и, казалось, что так оно и будет до самого конца существования нашей вселенной.

Да только народ совсем успел отвыкнуть от громких преступлений за три года почти полной тишины. В это время, казалось, всё было под полным контролем. При всяком желании обычный житель не мог прознать даже о неприметной драке в баре, что случайным образом, а каким же ещё, заимела летальный исход. Все молчали: купленная полиция, свидетели, вдруг резко получившие несколько зарплат разом, и наконец выплатившие кредит. Держал рот на замке и мэр, чьи штаны могли служить парашютом сразу для двух взрослых людей. Все молчали, ибо «крёстные отцы» были в этом заинтересованы и стабильно выделяли на это дело свои средства, пусть и мизерные по сравнению с их доходами. Больше всех прочих, естественно, выделял средства, да и сам был не прочь выделиться, Данте.

Раз в некоторое время он становился героем своего города, тратя вечнозелёные на благотворительность. И плевать все хотели на вопрос: откуда же, чёрт возьми, столько денег у человека в городе, где грузчики получают по тридцать центов за час работы – а за часы и даже минуты простоя, когда разгружать было нечего, труженик получал дырку от бублика! Поразительно, как тысяч пятьдесят долларов, половину из которых Данте возвращает себе, способны изменить мнение о такого рода меценате.

Само собой, стоило поклоннику радио и телевизора выйти на улицу – он не мог ощутить положительных сдвигов. Жизнь его описывалась тёмными, блеклыми тонами. Идёшь по улице и наблюдаешь картину, как некто чёрный по принадлежности видит человека серого по состоянию и предлагает нечто белое. Но белое – не значит светлое. Такие «цветовые диссонансы» в своё время стали одной из причин возникновения слухов. Они куда надёжнее. К тому же, позволяют тебе стать частью чего-то большего, – рупором очередной байки. Кто-то что-то увидел, будучи слегка пьяным, немного приукрасил свою историю, таким образом укротив своё давнее желание быть сочинителем романов, и вот, получили историю об Оборотне и его «Стае».

Предположим, какой-то Том сказал какому-нибудь Дику, что видел человека, который был весь в крови и стоял над трупом, при этом одетый в волчий мех. А затем обернулся, заметив, как Том кричит, ведь с детства тот был очень пугливым, так как его дедушка пересказывал ему на ночь историю о Джеке Потрошителе и делал это регулярно. А Дик, будучи, видимо, фанатом ужасиков и городских легенд, сказал бармену по имени Джерри, что лично видел, как какой-то человек стоял над трупом и пожирал его сердце. Благодаря таким Тому, Дику и Джерри по всему городу прокатывается легенда об «Оборотне». А чему верить, если не слухам? Ведь в газетах таких интересных персонажей не возвышают. Их считают психами, недостойными внимания. Но народ не всегда бывает столь глуп, как думают некоторые высокие чины, журналисты и «крёстные отцы». Со временем в бедном квартале начало появляться всё больше и больше трупов наркоторговцев.

– Тот козёл продавал наркотики моему старшему сыну, пока я был на работе. Сегодня он мне сознался из страха, что его тоже могут освежевать! – рассказывал какой-то рабочий бармену, попивая пиво в маленьком кабаке. Ему в ответ такой же мужик отвечал: – Нет, ну я согласен! Это варварство! Вопиющее варварство, дружище! Но если продажа наркотиков детям – это не варварство, то я не знаю во что теперь мне верить. Сколько себя знаю, всем плевать было на мой район! Всегда он был рассадником наркотиков и преступности! Так пусть хоть кто-то решает эту проблему, если полиции и властям плевать! Разве я не верно говорю?

Такого же мнения придерживались тысячи. Они были помножены феноменальной способностью барменов поддерживать разговоры и распространять слухи. Вот как «Стая» обрела статус героев среди весомого числа людей. Пока что их стыдились, стеснялись, побаивались, и говорили о своём уважении к ним только в близком кругу. Конечно же, народные мстители обрели и нескольких таинственных помощников, которые не называли своих имён, но были рады навести Оборотня на нужный след. Гансу, Владимиру, Ивару такая слава была по душе: они считали, что помощь в их делах лишней не будет. И только Бьёрн был против хоть какой-то известности.

Он оказался прав как никогда, ибо именно из-за одного человека, который представился Гансу «помощником» пару дней назад, сейчас друзья были вынуждены идти к дому Данте Кортезио, самого влиятельного человека в городе, будучи в крайне плачевном положении, надеясь, что их всё-таки выслушают. Четверо брюнетов, четверо старых, как этот мир, пальто, топтали землю не менее старыми сапогами. Так бедно одетые, но такие видные бывшие военные, пережившие настоящий ад: их глаза полны боли от суровых уроков жизни. Вот они – Стая!

– Мне не нравится эта идея! Ох как не нравится! Она бы мне понравилась только в том случае, если бы нам налили перед смертью! – ворчал Владимир. Своими типичными шутками он пытался развеселить и как-то приукрасить обстановку, которая была напряжённой. – И какого чёрта?! Какого, собственно, хрена мы топаем своими ногами к этому мальцу? Почему мы не высадились рядом с домом, как в прошлый раз?

– Мы высадились за километр от Данте, чтобы обычный таксист... – Ганс вздохнул. – чтобы обычный таксист не пострадал в случае нашего расстрела, Володя.

– Никого сегодня не расстреляют, брат. – привычно для себя проговорил Бьёрн, не отрывая стеклянного взгляда от своего пути. – Неужели вы, ребята, до сих пор не увидели его? Он – мальчишка. Я сомневаюсь, что он вообще стрелять умеет.

– Ну, он может и не умеет. – мягко согласился немец. – Но нужно ли ему уметь, когда, по слухам, у него самое большое количество людей в городе.

– Нам ли не знать, насколько приукрашены бывают слухи? Моего брата этот город вообще записал в список дикарей. Хотя, так ли они не правы? – шёпотом говорил Ивар Гансу, с ухмылкой смотря на старшего брата.

Юноша посчитал нужным поднять боевой дух банды и продолжил так, чтобы все его услышали. – Бьёрн абсолютно прав! Я тоже считаю этого Данте придурком! Вполне возможно, что тот «помощник» просто блефовал.

«Сомневаюсь, сомневаюсь, Ивар», – беспокойно подумал немец. – «Знал бы он про Эмилию и хватило бы у него смелости, не будь он уверен, что всё будет по его сценарию... Я думаю, что нет».

– Надо же, я уже вижу дом парнишки, а мы всё ещё стоим на ногах. Ха-ха! – заметил Владимир, взбодрившись. Его тон стал веселей. – Я говорил, всё будет отлично, а вы раскисали тут как девчонки! Ни единой пушки на ближайший километр! Ни единого выстрела! Тихо ровно так же, как и в той комнате фрицев, когда мы ночью горло им всем перерезали, да, Ганс? – Владимир рассмеялся, смотря на друга и будто ожидая застать на его лице какое-то неприятное чувство. Но тот лишь улыбнулся и одобрительно замычал. Казалось, что и его

настроение начало потихоньку приходить в норму по мере того, как «Стая» подходила к порогу особняка.

Вскоре раздались сильные и частые удары: все члены банды одновременно стучали в дверь к Данте, рассчитывая, может быть, что так он быстрее им откроет. В действительности не прошло и полминуты, как дверь медленно и со скрипом открылась. На друзей мигом упал свет, что в ту ночь широким ручьём лился из гостиной донна. Повеяло теплом. Не только от камина, который полыхал так здорово, что, казалось, будто он будет гореть вечно, не теряя своей силы ни на мгновение. Но ещё и от чудеснейшего сочетания саксофона и лёгкого аккомпанемента ударным инструментом, который далеко не всегда было отчётливо слышно, но он, безусловно, добавлял композиции уюта и жизни: желания не отрываться от прослушивания сего шедевра. Столь чудеснейшая мелодия расслабила умы «Стаи», хоть они и старались всегда быть начеку. В особенности сегодня им стоило бы быть повнимательнее, ибо Владимир и Ганс, идущие впереди в момент, когда дверь маняще распахнулась, лишь зайдя внутрь заметили пушку: любимый пистолет Данте, М1911, который он держал, вытянув руку, а на лице его, как обычно сияла ухмылка, от которой вся «Стая» порядком подустала.

«Ни одной пушки на целый километр... да, Володя?» – расстроенно припоминал Ганс, будто бы виня друга за преждевременный позитив. Владимир, видимо, и сам понял свою ошибку. Во время того, как все начали робко поднимать руки вверх на уровне головы, он хрипло вздохнул, словно медведь, и не сводил печального взгляда с мушки пистолета. Почему-то, даже в такой ситуации, он казался со стороны забавным. Владимир опустил взгляд на дуло и буркнул себе под нос: «Ни виски, ни жизни... Ну и денёк».

– Я думаю, было бы неразумно сразу стрелять, чтобы не оказаться жертвами обмана или недоразумения. – начал Ганс. Прежде всего он начал говорить именно с той целью, чтобы речь Владимира осталась незамеченной. К тому же, Данте, видимо, как раз ждал, чтобы немец решился на первые слова.

– Вы считаете, Ганс, ранение моей жены недоразумением? – В Данте было заметно возмущение, но он не стремился жать на курок. Почувствовав, что может расправиться с врагом в любой момент, дон начал играть с загнанной в угол добычей. В каждом слове чувствовалась зашкаливающая уверенность. – Да почему же я не могу перестрелять вас всех прямо у моего порога? Что мне мешает? Есть предложения?

– Нас больше! – крикнул Ивар из-за спины русского. Из-за роста Владимира, его было плохо видно, но он смог показаться Данте на глаза, как только дал о себе знать. Юноша старался звучать уверенно и даже пытался угрожать. Но, в силу своей неопытности в таких вопросах, со стороны он выглядел как школьник, который придумывает ответ на ходу, запинаясь при каждом слове. – Нас намного больше! Допустим, стрельнете в одного, а с остальными что делать будете? Мы мигом свои пушки в дело пустим!

– Но у вас ведь нет пушек, верно? – с интересом спрашивал чей-то голос. Затем его обладатель показался банде на глаза. Всё это время Матео стоял внутри дома, спрятавшись за дверью. Его уверенный смех раскатился по комнате, когда помимо пистолета Данте, на Владимира был наставлен ещё и «Магнум» Матео. – Вы бы не пришли с целью оправдаться, имея при себе оружие, не так ли?

«Да как он!» – на миг в лице Ганса сверкнула злоба и желание броситься на незнакомца с кулаками. Он быстро смог сам себя усмирить. – «Не полные идиоты в его окружении... или это мы сами идиоты...».

– У нас даже холодного оружия нет? – шептал Ивар. Бьёрн фыркнул. Видимо, он сейчас был недоволен тем, как его брат теряет боевой дух. Главарь «Стаи» всё ещё считал, что Данте и даже его друг не представляют никакой угрозы. По крайней мере, его лицо, не изменяя традиции, выглядело абсолютно спокойным.

– Даже холодного нет, Ивар... – Так же шёпотом ответил Ганс, вздыхая и, видимо, виня себя глубоко в душе за идею пойти без оружия.

Затем Ганс перешёл на более громкий тон, вновь обращаясь к Данте. – Даже холодного оружия у нас нет, так как мы не воевать пришли, господин Кортезио. Мы пришли сказать Вам, что знаем, кто это сделал и можем всё объяснить и уже вместе, без всякой вражды, найти и наказать виновных.

– *Ma che peccato, miei non cari amici!* (Ну надо же, какая жалость, мои НЕ дорогие друзья!) – выпалил Матео, едва дав немцу договорить, будто заранее знал, каждое слово. Даже дон, не ожидая от друга никакой реплики, хотел было что-то ответить Гансу в театральной манере, но эта мысль его покинула.

Теперь он желал на какое-то время побыть зрителем в театре, нежели его главным актёром, коим Данте себя возомнил.

– Неужели вы думали, что сможете обмануть нас? Найти мерзавца быстрее? Быстрее чем МЫ? Да он уже сегодня утром был у меня в багажнике без сознания, а пока вы волочили свои тушки сюда, так трясясь за свои жизни, я... – Матео украдкой взглянул на Данте. – Мой босс вместе со мной уже успел переговорить с ублюдком и всё выяснить! – капо со вздохом и иронией изобразил жалобную гримасу. – Так что, господа, боюсь, мы вынуждены отказаться от вашей помощи.

Матео ненадолго застыл. В этот столь незначительный промежуток времени на его лице сверкала самая яркая улыбка из всех возможных. Даже все улыбки Данте, которые с его лица прямо-таки почти никогда не сходили, не были настолько приторными. Лицо капо всеми мышцами показывало одну лишь мысль: «Насколько же ничтожны эти мыши! Эта мелочь, эта грязь из-под ногтя! Благодарите Бога за наше милосердие! Ведь вам позволено ступить своими грязными, никчёмными конечностями на порог этого дома! И то, лишь перед самой гибелью! Даже молиться не посмею за ваши души. Вы – никто, вы – уже мертвы!».

Данте, казалось, не испытывал такого отвращения к «Стае». Дон с самого начала воспринимал эту историю как игру. Игру, коих за последние годы у него совсем не было. В конце концов, в детстве у парня совсем не было игрушек: он лишь читал да музыку слушал. Сейчас же, хоть и детские годы прошли, однако игрушки появились. Как и те, с кем можно поиграть.

На лице Ганса разыгралось целое представление: его мозг будто за секунду до ожидаемого выстрела обработал всевозможную информацию разом и всё это находило отражение в его лице. Он смотрел на Матео и выглядел так, словно хочет сказать что-то невероятно важное – настолько важное, что могло бы всё изменить. Но затем, он будто отбросил все свои догадки – выкинул, посчитав бессмыслицей, – и, всё-таки, принял свою смерть. Он уже понял, что ничего не успеет сказать и собирался опустить руку на плечо Володи.

Неизвестно почему, но лицо Бьёрна стало отдавать игривостью в тот момент, пока кто-то прощался с жизнью. Оскал Оборотня в момент украсил его дикое лицо, ибо Матео своими словами и выражением жуткого презрения восхищал главаря. Ивар даже не обратил внимание на резкую перемену: его брат ведь улыбнулся, а такое происходило крайне редко. Младший братец считал старшего слегка безумным и не всегда замечал за ним иные странности. Да и занят был Рагнарссон-младший – единственный, кто был готов атаковать хоть голыми руками.

– Постой-постой, друг! – говорил Данте, чувствуя себя словно император, размышляющий о жизни: казнить раба или помиловать. Всё это лишь для того, чтобы в последний раз увидеть свет в глазах, а потом потушить его столь же легко. Чтобы убедиться в своей власти, в возможности давать и отнимать. – Мне надоело, что мы постоянно убивали без лишних слов. В конце концов, сейчас убьём их, и ещё года на три наша жизнь станет рутинной. А тут... за последние два дня столько случилось, что я успел даже первое дело вспомнить! – дон, всё это время не сводивший глаз с Ганса, наконец, украдкой взглянул на Владимира. – Ты считаешь, будто я идиот... Но мне запали в душу эти парни

– Любой человек сказал бы тебе, что твоё решение слишком странное и легкомысленное. Я не хочу быть исключением, – с непониманием и разочарованием на лице прошептал капо, смотря, как Данте уже повернулся спиной к врагу и максимально беспечно, без всякой осторожности, прячет пистолет за пояс и садится в своё кресло. Матео очень нехотя последовал примеру босса. В тот миг казалось, что капо даже пожелал ругнуться, причём так, как только мог позволить ему родной язык. Но, возможно, от этого сдерживала та самая музыка, что играла в доме. Она действительно успокаивала и даже, в какой-то степени, пробуждала аппетит. Не говоря уж о донельзя высоком уровне милосердия.

Матео меньше всего на свете хотел подрывать репутацию босса в глазах кого бы то ни было. Хотя, несмотря на все его старания в этом плане, кажется, Бьёрна уже было не переубедить: Данте он считал мальчишкой и полным идиотом, а вот его помощник одним своим взглядом и парой фраз показал, кто в действительности дон. Или мог бы им стать, если бы не уважал Кортезио больше себя и своих интересов.

– Что же вы стоите, как дикари! – Данте рассмеялся. Он смотрел на «Стаю», а затем кивнул в сторону дивана. Конечно же, он не забыл разлить всем виски и, подняв свой рокс перед тем, как осушить, дон, взглядом полным любви вперемешку с печалью глянул на граммофон, что стоял над камином и играл всё ту же композицию. В ней до сих пор не прозвучало ни единого слова. Данте был уверен, что она нравится всем. Ровно с тем же рвением он бы поспорил, что никто не знал названия композиции. – «За твою музыку, отец. Она столь же полна жизни, но невероятно спокойна, каким и ты был однажды. Даже музыку успевал писать! Чего ты только не делал...» – Итальянец поднял рокс, будто бы желая выпить вместе со своим давно покинувшим мир близким, и сделал это, сразу же восполнив сосуд.

Из всех приёмов гостей в доме Данте, текущий, без всяких споров и сомнений был самым необычным: странным и даже нелепым. По крайней мере, так казалось из-за Оборотня и членов его банды, которые были в неописуемом замешательстве. Каждый молчал: даже Ганс и Владимир не знали, стоит ли им хоть что-то говорить. Несмотря на то, что прямо перед ликом смерти немца распирало от желания сказать нечто очень важное, стоило опасности исчезнуть, как его память резко стала барахлить. Он молчал ещё и потому, что полностью погрузился в мысли: уж очень хотел понять, что стояло за тем озарением, которое так легко прошло.

«Не могу вспомнить... не могу! Что же я чувствовал? Всё встало на места, всё было ясно, как божий день. Я вроде как что-то понял. Что-то очень важное. Но что? Надеюсь, другие заметили что-то подобное и у себя. Нужно будет поговорить с Бьёрном. Он сто процентов что-то понял», – неустанно рассуждал Ганс у себя в голове, исключительно ради приличия выпив один рокс виски, не обращая никакого внимания на вкус напитка и воспринимая его как пустую формальность.

Судя по выражению лица, догадки не были беспочвенны. Они могли бы даже к чему-то привести, если бы Данте не прервал угнетающее молчание, своим не менее гнетущим странным решением.

– Честно говоря, мне плевать на ваши будущие объяснения. Я лишь не хотел от вас так быстро избавиться. Прошу прощения за столь ужасный обман. Хотел бы представить вам сегодня того самого, кто стал виновником нашей новой встречи, господа. – последнее слово дон выдал из себя с особой надменностью.

Он будто бы намеренно не оставлял банду с мыслями наедине и постоянно напоминал о себе и своём превосходстве. Повезло дону, что никто не видел его счастливого лица в ту секунду, когда он нашёл номер «Стаи» на обратной стороне фотографии. Складывалось впечатление, что и сам он уже запомнил об этом вполне свежем моменте из своей жизни. Данте, как всегда, старался выглядеть уверенно. Кто ещё, помимо него, мог быть настолько озабочен тем, не проскачет ли на его лице толика волнения? – Разве что, президент сверхдержавы, во время оправдания ядерного удара по капитулирующей стране.

Вполне вероятно, что именно из-за повышенного внимания к себе, дон и не заметил, как взгляды всех гостей были сосредоточены вовсе не на нём, а на Матео. «Стая» ждала от капо опасности, смерти. Только он из двух итальянцев не переставал смотреть на банду как на сборище ничтожеств. Ивар, будучи самым неопытным и самым эмоциональным, представлял во всех красках, в большинстве своём бордовых, как Матео вынимает пистолет и расстреливает каждого из сидящих на диване, а от выстрелов из мощного револьвера диван из чёрной кожи становится похож на мебель прямиком из бара Данте.

– А почему это Ваш подчинённый, мистер Кортезио, смотрит на нас как на грязных крыс, хотя Вы нас приняли и относитесь к нам со всем уважением? – говорил Бьёрн, нарочито громко кашлянув. Он не сводил взгляда с капо с тех самых пор как увидел его. Матео же, поняв, что его мысли были прочитаны, мигом сменил выражение лица с презрительного на нейтрально строгое. – Он не уважает Вас? Не уважает Ваше желание принять нас как гостей?

– Закрой свой рот, бешеная собака! – сквозь зубы процедил Матео. В следующую секунду в его руке снова был пистолет, направленный на Бьёрна. Того, кажется, это совсем не расстроило, а только сильнее раззадорило. Он широко улыбнулся, показав зубы. Что-то в его выражении лица и правда напоминало дикого пса или волка, который показывал клыки как предупреждение, чтобы враг вовремя прекратил идти на хищника.

– Эх! Вечно вам, итальянцам, без войны не сидится! – воодушевлённо прокричал Владимир, с грохотом поставив на стол только что опустошённый стакан. Смелости сейчас этому весельчаку было не занимать. Матео заметней вышел из себя, его дыхание начало слышаться всем. Капо перевёл ствол на русского и в ту же секунду растерялся: на нём уже был прицел пистолета Бьёрна, который тот достал из-под пальто. Владимир усмехнулся. – Всегда пожалуйста, товарищ Рагнарссон! Всегда пожалуйста!

– Я просил же, Бьёрн. – разочарованно вздохнул Ганс. Сейчас он понял, что главарь с самого начала не собирался исполнять его просьбы. – Я просил прийти без оружия, неужели не ясно, как нужно идти на такого рода встречи? Мы же не виноваты! А теперь-то кто поверит, а?

– Ага, просил он! Конечно! – прохрипел Владимир. – Если бы мы поверили тебе, фрицу-миротворцу, где бы ты сейчас был? Ты был бы уже в небе! Ловил бы птичек для своего пива!

Теперь-то обе стороны были в одинаковых условиях: лицемерие и театральность могли быть крайне неуместны, в особенности, когда пистолет в руках Бьёрна. На лицах Ивара и Данте одинаково застыло удивление и, конечно же, Рагнарссон-младший был восхищён братом, всей своей юной, почти отчаявшейся душой.

– Либо ты позволишь рассказать нам всё как есть, очистить наши имена, либо мозги твоего дружка упадут прямо на твои дорогие брюки. Точно уверен, что оно того стоит? – говорил Бьёрн, в то время как Матео, кажется, был готов взорваться от злости и своими вздохами уже напоминал быка.

– В том и дело, Бьёрн. – говорил Данте с таким видом, будто вот-вот раскроет свой козырь. Он весь светился. В частности, Данте был рад тому развитию событий, к которому привело его желание «поиграть». Он был так этим одержим, что, казалось, и забыл о лучшем друге на прицеле у психопата, но, немного погодя, продолжил. – Мою жену искалечил человек, который знает вас, господа. Я надеюсь, Бьёрн, ты позволишь Матео привести его сюда и поговорить? Насколько я понял, он очень по вам скучал.

Оборотень опустил пистолет, но не убрал. Он смотрел на дона так, будто ждал повода передумать. Ему и самому стало крайне интересно узнать, о каком это человеке идёт речь. Матео в ответ на действия норвежца посмотрел на него ещё хуже прежнего и пошёл к двери маленького кабинета Данте – того самого, где они виделись несколько дней назад. Спустя минуту капо вёл под руку человека с мешком на голове, который покорно перебирал ногами в вынужденном направлении. Этот человек был высок, одет в пальто из чёрной кожи, которое

выглядело в разы лучше, чем пальто любого из «Стаи». Бежевые брюки на пару с коричневыми сапогами укрывали его ноги. По лицам членов банды было

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.